Исповедь на краю

Автор:
Евгения Михайлова

Исповедь на краю

Евгения Михайлова

Детектив-событиеЧастный детектив Сергей Кольцов

Вера пораньше ушла с работы – хотела застать мужа с любовницей. Вместо этого она обнаружила в своей квартире то, что повергло ее в ужас…

Журналистка Дина сразу откликнулась на просьбу частного детектива Сергея Кольцова помочь в расследовании этого чудовищного преступления. А вскоре ей позвонила главврач дома ребенка и рассказала о похищении мальчика. Дина сразу заподозрила: между этими делами есть что-то общее…

У нее много лиц и имен. Она с детства ненавидела того, кто испортил ей жизнь, и поклялась отомстить…

Игры, в которые играют люди, часто бывают очень жестоки. Как остановиться и не перейти грань, за которой к прежней жизни не будет возврата?..

Евгения Михайлова

Исповедь на краю

Глава 1

Пронзительный вопль расколол тихое прозрачное утро. Кричала женщина в одном из домов в конце проспекта Вернадского. Вздрогнули во дворе мамаши, гуляющие с детьми, собачники и пенсионеры. Все подняли головы, а крик тем временем превратился в непрерывный вой.

Когда на площадку шестого этажа прибыл наряд милиции, там растерянно топтались перепуганные соседи. Дверь в сто семьдесят вторую квартиру была настежь распахнута. Молодой милиционер вошел в прихожую первым, но, заглянув в комнату, заторопился обратно и устроился у окна в пролете лестницы, делая вид, что ищет сигареты. На самом деле он был некурящим, просто прятал дрожащие руки и искаженное потрясением лицо. Оперативника вряд ли посчитали бы опытным. На убийство тот выезжал не первый раз, но видел обычно тела взрослых людей. А там, у кровати, стоя на коленях в луже крови, по-прежнему выла женщина, прижимая к себе тело мертвого ребенка без головы. Белокурая головка лежала рядом.

Кажется, Москва не знала еще столь вызывающе демонстративного преступления: убит ребенок в своей квартире поздним утром, когда в доме полным-полно взрослых людей. Районная милиция, несколько отделов МУРа получили приказ работать по горячим следам без выходных. Преступник оказался настолько наглым, что вытер о простыню окровавленный нож. Но поиски самого ножа затягивались. В квартире осталось множество отпечатков пальцев, следов обуви – семьи, родственников, знакомых. Но ничего такого, за что можно было бы зацепиться. «Горячие следы» остывали…

Федоровы были хорошей семьей. Муж, жена, две очаровательные девочки: Марина – восьми лет и Женечка – пяти. Муж Олег работал охранником на платной автостоянке, жена Вера – закройщицей в ателье. Молодые, сильные, работящие, они не особенно гонялись за заработком – довольствовались зарплатой. Жили в маленькой двухкомнатной квартире с более чем скромной мебелью. Сами годами ходили в одной и той же одежде. Зато много внимания уделяли детям, ничего для них не жалея. Девочки были ухоженными, нарядными, веселыми, приветливыми. Младшая не ходила в садик. Когда отец и мать были на работе, Женечку отводили к родителям Веры, которые жили через два дома. А старшая, Мариночка, всеобщая любимица, в первой половине дня оставалась дома одна на несколько часов. Родители уходили на работу около девяти, а она отправлялась в школу к половине второго. Марина росла разумной и послушной девочкой. Ей строго-настрого велели никому не открывать дверь, когда дома нет взрослых. И все соседи знали, что с девяти до часу Федоровым

звонить в квартиру бесполезно: Марина не откроет.

В то утро все шло, как обычно. Только Вера почему-то очень нервничала и в половине десятого отпросилась сбегать на мунутку домой. Дверь в квартиру оказалась открытой. Следов взлома впоследствии не обнаружили. Видимо, Марина сама открыла дверь. Почему?

* * *

Дина с Топазом встали, как всегда, поздно, около одиннадцати. Погуляли в сквере. Топик подлетал на своем павлиньем хвосте к каждой собаке. Если в ответ на его призывный взгляд не раздавалось грозное рычание, он пылко обнимал обалдевшего пса передними лапами за загривок. Затем умиротворенно, любовно и кротко прижимался любящей мордой к понравившейся собаке. Дина заметила, что кобели вызывают у него большую нежность, чем суки. Что ж, любовь многолика!

– Топик, – проникновенно говорила Дина, – давай не будем навязываться. Нас не поймут.

Пес с трудом отрывался от покоренного объекта страсти и тут же устремлялся к другому. Гуляя, они добрели до газетного развала – Дина каждое утро покупала свежие газеты и журналы. Затем вернулись домой, в свою новую чудесную квартиру на двадцать пятом этаже. Дина пока только обживалась в огромном пентхаусе с просторной стеклянной террасой и гостиной над городом, под солнцем.

Все свои двадцать восемь лет она прожила в крошечной двухкомнатной квартире бабушки в кооперативной пятиэтажке на Профсоюзной улице. Там же умер дедушка. Когда Дина училась в школе, погибли в авиакатастрофе ее родители. В бабушкину квартиру Дина привела мужа, синеглазого красавца, привезла из роддома сына… К двадцати шести годам Дина считалась одной из самых талантливых журналистов России. Она бралась за самые трудные темы, криминальные расследования, и ей даже стало казаться, что всегда побеждать возможно. Все помогало Дине: смелость, талант, настойчивость и редкая красота. Но вскоре после рождения сына возникла проблема с мужем. После нескольких психопатических срывов он ушел к матери, где вскоре покончил с собой. Судьба на этом не успокоилась. Через несколько лет бандиты,

разоблачением которых занималась Дина, похитили ее сына из кардиологического санатория. Мальчик умер от сердечной недостаточности. Следом скончалась бабушка, не сумев пережив такое горе.

И осталась Дина в одиночестве погибать в своей квартирке под самой крышей. Она так хотела улететь к своим, что не могла назвать ни одной причины, из-за которой стоило бы жить. Но однажды увидела крошечного пушистого щенка в трясущихся руках алкоголички. И сердце заныло, оживая. С тех пор они вместе. Ради золотистого Топаза Дина и вернулась в страшный мир человеческих отношений, ибо только там можно заработать на хлеб себе и мясо собаке. Но на профессии журналиста был поставлен жирный крест. От бывших знакомых Дина отгородилась крепостной стеной. Она полюбила уединение вдвоем с собакой. И никто не догадывался, что в их аскетичной на первый взгляд жизни было много любви, радости и даже веселья.

А потом случилось чудо. Дину нашел ее единственный родственник, о существовании которого она даже не догадывалась, внук американского эмигранта, выходца из Харькова Исаака Штайнбуха, прадеда Дины по материнской линии. И оказался этот внезапно явившийся дядя не кем иным, как известным финансистом, миллиардером Ричардом Штайном, одиноким человеком, тоже потерявшим своих близких. Жизнь Дины резко переменилась. Ричард купил им с Топиком пентхаус на тот случай, если Дина захочет приезжать в Москву из тех прекрасных стран, где у него были еще более прекрасные дома. Но она решила иначе. В Америку, Францию, Англию, Тунис она приезжала погостить, отдохнуть и поработать. Рекламный совет ювелирной линии концерна Ричарда Штайна единогласно утвердил ее на роль лица фирмы. Ричард подписал с племянницей контракт. В нем она специально оговорила свое постоянное место жительства – Москву. Дина была уверена, что именно здесь и сохранится ее связь с ушедшими близкими и ответственность перед ними. К тому же Топик был московской собакой, вполне довольной средой обитания. Возвращаясь в родной город с фотосессии, со съемок рекламных фильмов, Дина испытывала острую радость. Изменилось ее жилье, одежда, исчезла постоянная обеспокоенность из-за надвигающегося безденежья (оставив журналистику, Дина зарабатывала на жизнь как частная сиделка). Но все же осталась потребность в уединении и покое. В полном контакте с самым дорогим существом, вместе с которым она прошла все муки ада.

До следующего вызова оставалось не меньше трех месяцев. Дина заслужила этот отпуск тяжелейшим трудом – с изнурительными перелетами, съемками в

любую погоду, неделями без сна, практически без еды (дело было не столько в диете, сколько в сумасшедшем напряжении, напрочь отбивающем аппетит), с маниакальными требованиями режиссеров и операторов, любой ценой материализующих свои идеи.

Так за работой пролетело лето, ранняя, самая чудесная осень. Москва встретила Дину в октябре почти зимним холодом. Тем уютнее показался ей дом, несмотря на то что большая часть комнат оставалась необставленной. Она не хотела заниматься этим впопыхах или довериться дизайнерам.

Дина с собакой поднялись на двадцать пятый этаж. Топик деловито забрался в свою ванну с теплой водой – черную с позолоченными кранами. Дина вытерла его, и пес с новой энергией стал бегать по стеклянной террасе, забегая в розарий – понюхать розы и украдкой задрать заднюю лапу. Дина покормила его, поговорила по телефону с подругой Тамарой, которая была по совместительству секретарем и переводчицей. Потом Дина занялась переездом в другую спальню. Летом они ночевали в большой, полной воздуха и света комнате на нижнем ярусе, со стеклянной стеной и выходом в бассейн. Она была стильно оформлена – атласными драпировками цвета слоновой кости на стенах, золотистыми шторами, нарядными светильниками и зеркалами в серебряных рамах. В ней по-прежнему было тепло, но в холодное время года хотелось меньше пространства и больше уюта. И спаленку на верхнем этаже Дина обставила совсем иначе. Темно-синие обои в мелкий, «деревенский» цветочек, такие же шерстяные шторы, простой камин, выложенный красными кирпичами, белый пушистый ковер с нехитрым розовым орнаментом и массивная дубовая кровать с яркими подушками и теплым одеялом.

Дина разожгла огонь и села перед камином на ковер с кучей купленных изданий. Сначала читала заголовки, решая, с какой газеты начать. Хотелось узнать что-нибудь о театральном сезоне в Москве. Но в глаза сразу бросилось другое. Огромные буквы на первой полосе: «Эта смерть ужаснула всю Москву. Зверское убийство 8-летней Марины потрясает своей жестокостью». И маленькая фотография: прелестный ребенок улыбается нежно и ласково.

* * *

Сергей Кольцов, частный детектив, задумчиво отложил газету. Мир погибает, если такое возможно. Он пятнадцать лет проработал следователем Генеральной

прокуратуры, из них пять – «важняком». Видел всякое: люди придумывают для своих врагов самые невероятные, сумасшедшие способы расправы. Взрослые люди для своих взрослых врагов. Но изощренная, продуманная жестокость по отношению к маленькому ребенку, который был у себя дома белым днем?! Убийство произошло в запертой квартире средь бела дня. Это не укладывалось в голове. Сергей по привычке пытался выстраивать стереотипные версии, по которым будет работать следствие, если случай не поможет сразу поймать преступника. Маньяк-педофил, месть родителям, немотивированная агрессия подростков, наркоманов и т. д. и т. п. Вариантов море. Но что-то подсказывало Сергею: убийца действовал не сгоряча и сможет запутать следы.

В кабинет заглянула секретарша Варя.

– Сергей Николаевич, к вам посетитель. – Она сделала круглые глаза и прошептала: – Это по тому делу.

В кабинет вошел и остановился у порога мужчина лет шестидесяти пяти.

– Помогите мне. Я дедушка Марины Федоровой. Вы, наверное, уже слышали.

Он закрыл лицо руками и заплакал.

* * *

Баба Лида вошла в булочную, долго рассматривала витрину, затем стала считать мелочь в своем кошельке, шевеля губами и поглядывая на ценники. Наконец решилась на половину «Бородинского» и четвертинку «Подового». Подумала и попросила еще «Свердловскую сдобу». Продавщица пересчитала деньги, хотела что-то сказать, но махнула рукой и подвинула к бабке булку. У нее всегда не хватает копеек пятьдесят. Восьмидесятилетняя баба Лида и ее сорокалетний сын Степан жили на одну пенсию. Потому что этот ее Степан был с большим приветом.

Старушка аккуратно застегнула свою доисторическую кошелку и заковыляла к дому. Соседи во дворе ей кивали, но никто с ней не заговаривал. Так повелось давно. Баба Лида привыкла. Она вошла в подъезд с дурацким букетом бумажных цветов у стены, на которой были нацарапаны еще более дурацкие надписи. Их

содержание меньше всего занимало бабу Лиду. Хотя она и знала, что цепляет букеты и пишет эти слова и непонятные знаки ее непутевый Степка.

Старушка вошла в темную, запущенную квартиру на втором этаже, не замечая, какой в ней тяжелый, спертый воздух. Сын не разрешал открывать форточки и тем более окна. Баба Лида поставила чайник на плиту, достала из сумки хлеб и, приоткрыв дверь в комнату сына, робко позвала:

– Степочка, иди чаю попей, я хлебушек теплый принесла.

Сын сидел за столом и что-то выстукивал на старой печатной машинке. Стол, пол, диван, подоконники – все было завалено какими-то книгами, газетами, плакатами, рисунками. Он даже не поднял головы. Мать повторила приглашение еще раз пять, после чего, вздохнув, взяла со стола «Свердловскую сдобу» и подержала у сына перед носом. Он схватил ее импульсивно, не глядя, стал кусать и глотать большими кусками. Баба Лида с тоской, жалостью и умилением смотрела, как дергается острый кадык на его худой и грязной шее.

Потом побрела на кухню, налила себе чаю, достала из разбитой сахарницы несколько кусочков рафинада и стала пить с ним вприкуску из чашки, осторожно откусывая от тонкого ломтика белого хлеба.

Глава 2

На следующий день Дина поднялась после первого шевеления собаки – в пять утра. Вышли в темный сквер, побродили минут сорок. Около шести вымытый после прогулки пес уже сладко спал, а Дина включила телевизор, чтобы посмотреть первый выпуск новостей. Об убийстве девочки ничего не сказали. Дина легла в постель с книгой и пультом. Включала новости каждый час по разным каналам. Лишь в одиннадцать по РТ сообщили: в ходе расследования убийства опрашивают соседей, родственников, знакомых, есть версии, ищут маньяков-педофилов, проверяют отсидевших за те же преступления психически неуравновешенных людей… Короче, поиск идет во все стороны, но нет ничего конкретного. А время идет. И кто-то уходит, прячется, создает себе алиби. Какая-то сумасшедшая сволочь.

Дина узнала в справочной телефон районного ОВД, но звонить не стала. О чем спрашивать? Да и в качестве кого? Журналисткой она давно перестала представляться. Не говорить же: «Вас беспокоит лицо фирмы «Черный бриллиант». Надо отвлечься. Тут ничего не поделаешь, ничего не изменишь.

Все либо выяснится в ближайшее время, либо останется тайной навсегда. Или до следующего похожего преступления.

Дина бралась за какие-то дела, но настроение было испорчено. Она ходила по стеклянной террасе, и ей казалось, что, если открыть окно, можно дотянуться до темно-серой тучи: так низко она опустилась. Вскоре туча растеклась по стеклу струйками дождя и мелкими комочками мокрого снега.

Вечером позвонил давний друг Сергей Кольцов. Когда Дина работала в газете, Сергей был следователем по особо важным делам. Они успешно сотрудничали. И не только воспоминания о работе их объединяли. Они просто не озвучивали все воспоминания.

– Сережа, ты ведь что-то конкретное хочешь сказать?

– Диночка, прзнайся честно, ты очень занята?

– Да, очень. Я твердо решила три месяца ничего не делать. Ты же знаешь, это и есть мое любимое занятие. А что у тебя?

– Да у меня одно дело…

– Сережа, извини, но даже не пытайся рассказывать.

– Да я, собственно, только спросить хотел, может, ты слышала или читала…

– Убийство ребенка на проспекте Вернадского? А при чем тут ты? Или ты вернулся в прокуратуру?

– Нет. Просто меня нанял дедушка девочки. Понимаешь, он уверен, что официальное следствие не найдет убийцу.

– А ты, как он думает, найдешь?

– Я не брошу поиски, пока он сам не даст отбой.

– Но у следствия есть все возможности – информация, эксперты, люди…

– А я попытаюсь этими возможностями потихоньку пользоваться. Ребята все знакомые.

– Так. А от меня тебе чего надо?

– Дина, ты точно не хочешь мне помочь?

– Как ты это себе представляешь?

– Нет, сначала скажи, где, по-твоему, надо искать?

– Вокруг семьи, наверное. Друзья, родственники, знакомые. И это самое ужасное. Проверять придется даже отца и мать.

– Умница. Вот как раз в этом деле только ты и можешь мне помочь.

– Но как?

– Так, как мы работали по убийству старушки Петровой.

– Ты хочешь, чтобы я поселилась в том доме? Да мне легче повеситься…

* * *

Через пару часов Тамара, подруга и секретарь Дины, ехала на своем бирюзово-серебристом «Пежо» в сторону проспекта Вернадского. Она познакомилась с Диной в то утро, когда ей сделали онкологическую операцию. Тогда никого больше не оказалось рядом с ней, кроме нанятой добрыми людьми сиделки. И с того дня Тамара никогда не была одинокой. Они вместе выкарабкивались из ее

беды. И, конечно, не расстались, когда здоровье восстановилось, а Дина перестала работать сиделкой. Тамара сопровождала ее во всех поездках, вела все дела. В свои пятьдесят восемь лет она наконец обрела уверенность в себе, подтверждение своей полезности, финансовую стабильность. Но главное – у нее появился близкий человек. А идеи близких людей нужно разделять, считала Тамара, какими бы глупыми они ни казались на первый взгляд.

– Вроде бы одна жиличка не прочь сдать, – неприветливо проворчала дворничиха. – Но как будто квартиранты отказались, когда узнали, что здесь у нас стряслось.

Тамара поднялась на двенадцатый этаж. Может, и получится. Дине везет с последними этажами. Дверь открыла хрупкая женщина чуть постарше Тамары, с пышными рыжеватыми волосами, уложенными в высокую прическу, и большими голубыми глазами. За ней стоял и беззлобно полаивал большой черный пес. Что тоже нам на руку.

– Я по поводу аренды квартиры. Дворничиха сказала, вы собираетесь сдавать…

– Ой, уже не собираюсь. Я сдала. Сегодня меня сын должен был перевезти в загородный дом. А квартиранты отказались в последний момент. В газете прочитали… Говорят, если бы хоть подъезд другой… Странные люди. Как будто преступления совершаются по одним и тем же адресам.

Хозяйка предложила Тамаре войти, представилась:

– Меня зовут Лариса. Этот тип – Дик. А под диваном шипит Чудик. Такая у нас компания. И мы буквально сидим на чемоданах. Даже корм упакован.

– А я Тамара. Снимаю жилье для своей племянницы Дины. У нее муж – подводник, сейчас он в плавании, а квартиру залили соседи сверху. Нужен срочный ремонт. У нее тоже пес, только рыжий. Потому я не могу взять их к себе. Мой кот собак не переносит.

– А она знает… про события в нашем доме?

– Знает. Что поделаешь. Я искала в других местах, но за один день трудно что-то снять, да еще чтоб на собаку согласились. Так что у вас – то, что нам нужно. И вы мне нравитесь.

– Вы мне тоже. Мы можем сразу договориться? Мне не отменять переезд?

– Нет, конечно. Зачем? У вашего сына, наверное, свои планы.

– Это точно. Он очень занят. Он президент небольшой фирмы. С таким трудом освободил день… Я прошу двести долларов… Не дорого?

– Ну что вы! Меньше, чем в других местах. Вы и с теми квартирантами на эту сумму договаривались?

– С теми немного дороже: триста. Но сейчас ситуация изменилась…

– Но вы же в этом не виноваты… Знаете, я позвоню племяннице, спрошу у нее.

Голос Дины по телефону звучал взволнованно.

– Сегодня уже можно переезжать? – переспросила она почти с ужасом. – О господи! Я надеялась, что мы хоть переночуем дома. Но ты права. Если уж решили, лучше сразу… Ты что, Тамара! Заплати столько, сколько она рассчитывала получить с прежних квартирантов. Мало того, что мы обманываем человека, так еще на ее проблемах будем наживаться… Нет. Заплати за три месяца… Я умираю, так не хочу туда ехать. Ну, в общем, пока. Возьми у нее ключи.

Тамара протянула Ларисе девятьсот долларов:

– Пока за три месяца. Но мы, конечно, не знаем, как дела с ремонтом пойдут.

– Вы можете не торопиться. Я как минимум на год перееду. Честно говоря, вы сильно меня выручили.

– Ну и хорошо. Посмотрите наши документы, обменяемся координатами. Если нам придется продлить аренду, могу к вам на дачу подъехать. Я за рулем.

Правда, за городом редко бываю. К сожалению.

– Я вас приглашаю. Просто так, без дела. В гости. Знаете, я недавно овдовела. Тоскливо одной.

– Спасибо. Буду рада. Да, раз уж мы об этом заговорили… Я имею в виду несчастье, которое произошло в вашем доме. Что вы о нем думаете?

– Я думаю, это просто кошмар. Что такое невероятно и не может быть. Если б я здесь не жила, не поверила бы. Подумала бы, что журналисты придумали страшилку. Но это случилось. Я чувствую себя просто больной.

– А что за семья?

– Семья нормальная. То есть близко я их не знаю. Но не алкоголики, не хулиганы, не бандиты. Сейчас ведь такие сплошь и рядом, правда? А девочки просто очаровательные. Мариночка… Нет, не могу.

Лариса вытерла глаза платочком.

– Простите. Я не хотела вас расстраивать. Пойду, раз мы обо всем договорились. Вероятно, Дина вечером и переберется. Ее двоюродный брат перевезет, – сказала Тамара.

Она дружески дотронулась до руки Ларисы, попрощалась, вышла из дома и почти пробежала расстояние до своей машины. Бр-р-р-р! Жуткое место, жуткая история, противный дом и омерзительная погода. Она вспомнила жаркий камин в гостиной Дины, белый пушистый ковер, розарий и впервые подумала о том, что надо бы ее отговорить от переезда. Разве нельзя как-то иначе? Подробностей плана Сергея и Дины она не знала. Но ясно, что они совершенно свихнулись со своими расследованиями.

* * *

Сергей привез в нехороший дом Дину, Топика и большой чемодан, когда уже стемнело.

– Наш – двенадцатый. Твоя любимая верхотура.

Они поднялись. Сергей открыл дверь ключом, который им передала Тамара, включил свет в прихожей. Дина вошла и принюхалась.

– Знаешь, Сереж, самое важное – запах чужого жилья. Бывает, ничего страшного, но вынести невозможно. А здесь пахнет хорошо. Чистотой и уютом.

– Да, вполне. Топаз тоже так считает и в данный момент метит территорию на кухне.

– Это он формально лапу поднимает. В знак уважения к хозяевам. Тем более что здесь собака живет. Ладно. Раз кухня обжита, давай чаю выпьем. Я привезла заварку, сахар, конфеты, пирожные.

– Лучше бы ты колбасу привезла.

– Есть хочешь? Давай печенку тебе поджарю?

– Чтоб я отобрал еду у собаки? У комиссара Рекса? Ни за что! Мне и пирожные сойдут.

На кухне стояла тщательно вычищенная посуда, плита и раковина сверкали белизной. Они выпили чаю, и Сергей стал рассказывать, что удалось узнать в МУРе.

– Версия с маньяком-педофилом, похоже, отпадает. Девочка не изнасилована. Никаких следов сексуальных приставаний. Вероятно, все произошло сразу. Она открыла дверь кому-то, кого знала, во всяком случае, не боялась этого человека. Потому что сразу повернулась к нему спиной и пошла в комнату. Убийца сзади ударил ее ножом, затем бросил на кровать – на спину, и нанес пятнадцать ударов в грудь и живот. Затем один в висок. Хотя она в это время скорее всего уже была мертва. Затем он пытается отрезать у мертвого ребенка ухо, но бросает это. И отчленяет скальпелем (!) голову. Затем эта мразь берет головку и кладет ее на порог комнаты, чтобы было видно из прихожей. Возможно, в этом тоже есть какой-то вызов. Если бы дверь была заперта, а мать не прибежала случайно с работы, то до вечера никто бы ничего не заметил.

– Ты не знаешь, какой по счету удар был смертельным?

– Я спрашивал. Пока точно не сказали. Я понимаю, о чем ты. Возможно, первый. И она не успела испугаться или почувствовать боль.

– Я могла бы убить этого мерзавца.

– А я хотел бы. Очень.

– В квартире что-нибудь пропало?

– Ничего. Деньги лежали – небольшая сумма – в той же комнате в шкатулке. Найти их было элементарно. Золота, дорогих вещей, шуб у них нет. Но на днях Верины родители подарили ей дубленку, подкопив деньги к зиме. Девочкам новые теплые курточки купили, Олегу – кожаную куртку на меху. Все на месте. Что, кстати, исключает еще одну версию: будто наркоман во время ломки ворвался в случайную квартиру.

– Ясно. С чего начинать, Сережа?

– С чего? Смотри. Знакомься. Разговаривай. Пока за что-нибудь не зацепимся. Мне сказали: Федоровы до похорон будут жить у родителей. Так что их мы увидим только на кладбище. Крепись, дорогая.

– Все в порядке. Точнее, в поряде, как говорят братки. Ты иди. Мы распакуемся, отдохнем и приступим к делу.

Сергей встал, на секунду прижал Дину к себе и быстро пошел к выходу, но на пороге остановился.

– Да, забыл сказать. К тебе зайдет участковый. Иван Николаевич. Познакомитесь. Договорись с ним во дворе вместе посветиться. А то здесь все боятся чужих людей. Пусть видят, что ты не с улицы, о тебе знают в милиции, и все такое. Он будет распространять легенду насчет мужа-подводника и ремонта в твоей квартире. Пока. До созвона.

Погрузившись в раздумья, Дина помыла чашки, прошлась по комнатам. Одна совсем крохотная – с двумя деревянными полутораспальными кроватями и трельяжем. Место оставалось лишь для проползания по стене вдоль спинок к окну. Но собачий матрас у окна поместится. Для приличия. Спать-то Топик, конечно, будет на кровати. В другой комнате размещались стенка, диван, письменный стол и телевизор на тумбочке. На полу лежал красный ковер. Что еще нужно для жизни? Точнее, для дела. Наша служба и опасна, и трудна. А уж насколько она не видна… Дина открыла один из шкафчиков и обнаружила чистое постельное белье. Одеяла ватные, стеганые. Прекрасно, тепло мы любим. Выглянула в окно: льет, проклятый. Дождь начался неделю назад – все, как и обещал Гидрометцентр: «Возможны кратковременные осадки».

Глава 3

Валентина Петровна, главврач дома ребенка № 15, стояла у окна и безрадостно смотрела на дождь. Все, как всегда, сошлось. Потепление и затяжная слякоть после первых заморозков, ранняя эпидемия гриппа в Москве, и сразу пятнадцать новеньких из разных роддомов. В помещении уже топят, душно, приходится форточки все время держать открытыми. А пять малышей температурят. Может, конечно, простыли, сквозняком продуло, но, скорее всего, в дом занесли вирус. Прививки всем сделали, но грипп нынче пошел избирательный. Когда все заболеют, врачи объявят, что прививка была не та.

Валентина Петровна вышла из кабинета и, надевая на ходу марлевую повязку, направилась к изолятору. Вот они, мои больные детки в клетке. Кто тут у нас хнычет? Кто на ручки хочет? Детишки зашевелились в кроватках, потянулись к ней, приветствуя ручками и ножками в ползунках. Валентина Петровна начала обход с первой кроватки. Пощупала лобик годовалой Ирочки, проверила, не мокрая ли она, спросила у няни: как девочка ела?

Валентина по очереди подержала на руках четырех больных. И лишь затем разрешила себе подойти к Ване. Она всегда осуждала себя, если какой-нибудь один ребенок становился ей дороже остальных. Но что тут поделаешь: тает сердце, когда видит она эту круглую головку с белобрысыми вихрами, маленький курносый нос, красивый аккуратный ротик, как у девочки. Так хочется схватить на руки это двухлетнее чудо, прижать к себе, успокоить,

защитить от всех напастей! Но два года – в доме ребенка это возраст! Он уже большой. И самостоятельный. Нужен повод, чтоб такого мужика на руки брать. Сейчас он есть.

– Иди ко мне, солнце мое, зайчик дорогой!

– Баба Валя, – блаженно произнес малыш, обнимая Валентину Петровну за шею.

– Он горячий, – целуя мальчика, озабоченно нахмурилась она. – Надя, дай-ка градусник. А потом я его покормлю. Куриные котлетки сегодня утром дома пожарила. Ему можно и Катеньке.

– Котлета. – Малыш показал ямочки на щеках.

* * *

На новом месте приснись, жених, невесте! Дина уснула на одной из двух не очень удобных кроватей часа в три. Увидела короткий глупый сон. Будто она идет по мрачному пустому двору, рядом плетется Топик, а в руках у нее какая-то сумка. То есть она думала во сне, что это сумка. Но тут из окна закричали: «Она несет ботинок Путина». Дина посмотрела, и правда: она держит за шнурок какой-то белый ботинок с цветным орнаментом. Дина открыла глаза и спросила у себя: «Ну, и при чем тут Путин? И к чему может присниться подобная ерунда?» Она включила бра над кроватью и посмотрела на часы: четыре. Еще темно на улице. Но Топик уже хлопал рядом своими огромными, черными, абсолютно не сонными глазами и вздыхал ей в лицо.

– Ну что ж. Раз ты не против, пойдем. Начнем изучать нравы этого дома.

Они вышли под моросящий дождь. Дина посмотрела на здание – все окна темные. Только на втором этаже у кого-то горит настольная лампа. Утром узнаем, кто там живет. Они обошли двор два раза по периметру и вернулись в квартиру.

– Попробуем еще поспать, – сказала Дина, помогая Топику вылезти из ванны.

На следующую прогулку они вышли в семь. Окна горели уже во многих квартирах. Вышел парень в джинсах и светлой куртке, завел старенькие «Жигули», уехал. Появилась дворничиха Галина Ивановна. «То ли у меня настроение плохое, то ли у нее лицо убийцы», – подумала Дина и вежливо поздоровалась.

Повторив процедуру с теплой ванной, Дина дала Топику немного корма, попила чаю с вареньем и на этот раз провалилась на три часа в глубокий сон без всяких видений.

* * *

Нина встала, как всегда, рано. Не включая в комнате свет, вышла на кухню. Поставила чайник, закурила сигарету, посмотрела в окно. Чертов дождь. У нее ботинки промокают. Новые купить с этой зарплаты не получится. У Дашки джинсы до дыр на заднице протерлись. На ней все горит. И это самый маленький ее недостаток. Вчера вечером Нина пришла домой голодная, озябшая, с тяжелой сумкой, позвала: «Дашенька», – но никто не отозвался. «Спит или выскочила куда-то», – подумала она. Сняла куртку, сапоги и вдруг услышала стон. Нина обмерла. Стон повторился, но уже как-то хрипло. Нина почувствовала, что у нее отнялись ноги. Надо бежать в комнату, а она не может сдвинуться с места. А звуки становились все более странными. «Дашку душат!» – поняла Нина. Это предсмертные хрипы. Она безумно огляделась. Из оружия под рукой был только зонтик. Она сделала страшное усилие, оторвала ноги от пола и с зонтиком наперевес влетела в их с Дашкой спальню… И тупо уставилась на совершенно голый зад, который дергался на ее кровати. Лишь о следующую минуту она разглядела под неизвестным туловищем родную дочь, тоже голую и невменяемую. Та смотрела на Нину, но не видела ее. Во всяком случае, она не прервала своего занятия. Нина чувствовала себя невидимкой. Она стояла и обреченно ждала, пока ее дочь не издаст последний ликующий клич. После чего Нина устало кивнула и вышла на кухню. Она так мечтала о спокойном ужине и уютном вечере у телевизора. Вдвоем. Теперь нужно собраться с силами и поприветствовать гостя. Его оборотная сторона на нее не произвела большого впечатления. Но своей первой ошибки Нина больше не повторит. Она не будет кричать: «Как ты можешь? Что ты себе позволяешь? Я не могу жить с проституткой!» Когда Нина выступила так первой раз в подобной ситуации, Дашка спокойно натянула трусы и джинсы, взяла за руку своего оболтуса и гордо прошествовала мимо матери на свободу. Вернулась через три дня. И даже самый наивный человек не сказал бы по ее виду, что она провела это время в

монастыре. С тех пор Нина смирилась с новой, так сказать, реальностью.

Дашка появилась на пороге кухни с выражением сытой кошки на хорошенькой мордочке.

– Что купила?

– Пельмени и торт «Чародейка». Он с нами ужинает?

– Да ты что! Я так жрать хочу! Особенно «Чародейку»… Ну ты пошел? – обернулась она к типу, который маячил за ее спиной.

Тот что-то промычал. Дашка довела его до входной двери и небрежно произнесла:

– Ну давай! Пока.

Стало быть, торжественного представления не будет. Оно и к лучшему. Нина не компьютер, чтобы запоминать их всех по именам. Они ведь не повторяются.

– Слушай, дочка, – решилась все же она. – Я надеюсь, ты не с улицы их приводишь? Ты хоть понимаешь, что случилось и что еще может случиться? Здесь бродит какой-то маньяк.

– Ой, мама. Только не надо сходить с ума. Я, по-твоему, маньяка от неманьяка не отличу?

– Дура, – беспомощно вздохнула Нина. – На них же ничего не написано. Даже Мариночка дверь открыла. Такая умница, осторожная, послушная.

Нина всхлипнула. Дашка притихла, и обе опасливо посмотрели в черное окно.

* * *

Дина остановилась в подъезде у сооружения из искусственных цветов, флажков и плакатов. Что-то вроде алтаря. «Сатана – носитель света и истины!»,

«Люцифер – правая рука бога!», «Баси – Баср». Это еще что такое? А, вот и расшифровка: «Биологический Атомный Свет Истины». Полное ку-ку. Автора, конечно, все знают.

Дина с Топиком вышли во двор. Народ возвращался с работы. Обыкновенные люди, тихие, усталые, скучноватые. Обыкновенный дом. Со стороны кажется, что в таких домах ничего не может произойти.

– А ты, это… Ты у нас поселилась? – Перед Диной стояла маленькая закутанная старушка с очень светлыми и абсолютно бездумными глазами.

– Да. Я теперь живу в этом подъезде, на двенадцатом этаже.

– С собачонком?

– С ним. А вас как зовут?

– Я Шура. К дочери приехала из Комсомольска. Дочка у меня, Людка, тут замужем. За сыном дворника. Девка у них есть, Оксана. А ты знаешь, что у нас случилось?

– Да. Ужас. А вы что об этом знаете?

– Мариночку с шестого этажа зарезали.

– Кто бы это мог быть?

– Да черт его знает.

– А здесь часто незнакомые люди появляются? Может, квартиры снимают или где-то компании собираются?

– Не. Не ходят. Компании?.. Дашка вроде компании водит. И хахалей. Оторва такая.

– В нашем подъезде?

– Да, на пятом живет с матерью. Нинка, ее мать, тихая, а Дашка – оторва.

– А кто цветы в подъезде цепляет? Не знаешь? – Дина перешла на «ты», потому что после каждого «вы» Шура оглядывалась.

Старушка затряслась от смеха.

– Это Степка. Идиёт. Сатана. Целый день пишет, а вечером цепляет. Его уже били, а он все равно цепляет.

– Кто бил?

– Андрей, зять мой. Тоже придурок.

– Плохой зять?

– Сволочь. Людку мою тоже бьет. – Шура перешла на шепот: – Она в больнице лежала. Он ей ребра поломал и руку, морду изуродовал… А еще ножом вены на руке резал.

– Это еще зачем?

– Говорю ж, сволочь.

– В милицию заявляли?

– Милиции из больницы сообщили. Они пришли, дело завели.

– Ну и что, его судить будут?

– Черта с два будут. Галька, его мать, заставила Людку написать заявление, что она не имеет претензий, будто муж извинился.

– А он извинился?

– Черта с два он извинился.

– Да, интересно тут у вас. Ну, мы пойдем погуляем. А ты заходи к нам чаю попить.

– Да? Так я сейчас и пойду. Вы погуляйте, а я вас тут и буду ждать.

«Ну что ж, – думала Дина, стараясь не отставать от пса, изучавшего запахи нового двора, – можно составлять список кандидатов. Сатанист, сын дворничихи, хахали незнакомой пока Дашки».

Шура, конечно, их дождалась, и они втроем вернулись домой. Дина вскипятила чайник, поставила на стол большой пирог с капустой.

– Есть еще котлеты. Хочешь, разогрею?

– Давай, девка. Можешь не греть. Я и так съем. А мужа у тебя нет?

– Есть. Он подводник. Под водой плавает.

– Да ты что! И у Людки, дочки моей, есть муж.

– Ты говорила, что он сволочь.

* * *

Валентина Петровна в последний раз обошла спальни, постояла у каждой кроватки в изоляторе. Сопят. Дыхание хриплое. Ох, беда. Как же она не любит оставлять их по ночам, когда они болеют. Валентина и ночевала бы здесь, но дома совсем старенький папа. Ему уже чайник тяжело поднять. И боится он один оставаться по ночам. Скрывает, конечно, но она же видит.

Валентина Петровна положила руку на плечо Нонны Павловны, ночной нянечки, которая с упоением читала любовный роман при свете настольной лампы:

– Я ухожу, Нонночка. Закрой пойди за мной. Ирка сегодня придет, не знаешь?

– Сказала, придет. Может, пока не закрывать?

– Нет, ты лучше закрой, она постучит. Ты от книжки отрывайся все-таки. Проверяй, не горят ли дети. Если температура сильно повысится, звони мне. Разбуди Тоню, медсестру. Питье на ночь я приготовила. Это для маленьких. Для Кати с Ванечкой.

– Ой, этот Ванька такой уморительный. Говорит: «Баба, я больной и не гуляю. А когда выздоловлю, мне самолет подалят. На Новый год».

– Ванька – сам подарок! Золотой ребенок.

Валентина Петровна не выдержала: вернулась к кроватке Ванечки, подоткнула одеяло, потрогала лобик, дотронулась губами до раскрытой пухлой ладошки.

– Ладно, побежала я.

В квартиру она вошла, мечтая сразу рухнуть в кровать. Но папа не спал. Валентина Петровна приготовила ужин. Помогла отцу дойти до кухонного стола. Он физически слабеет, но голова у него все такая же светлая, как в молодости. Ему поговорить с ней хочется. Валентина подробно рассказала о всех делах дома ребенка. Отец изложил в деталях новости, увиденные по телевизору, сообщил, что интересного было в сегодняшних газетах. Она помыла посуду, полежала в теплой ванне и перед тем, как лечь в постель, позвонила на работу.

– Да, – шепотом ответила Нонна Павловна.

– У вас все в порядке?

– Да. Ира пришла. Ужинает сейчас на кухне. Детишек мы попоили.

– Хорошо. Ложись спать. А Ирка пусть посидит. Спите по очереди.

– Ой, Валентина Петровна, ну как будто мы не знаем.

– Ладно. Спокойной ночи.

Ночными нянями в доме ребенка работали две пенсионерки посменно. В помощь им Валентина Петровна взяла на полставки студентку медучилища. Нормальная девочка, приехала из Подмосковья, живет вроде у подруги пока: квартиру снимать не на что. Но, видимо, там не очень удобно. Так что ей ночные дежурства – не только заработок, но и выход из положения.

Валентина Петровна закрыла глаза и попыталась отогнать все мысли. Поскорее уснуть, чтоб поскорее проснуться. Ее разбудил звонок, и она сразу поняла, что это не будильник. Звонил телефон. Валентина Петровна взяла трубку, послушала, и комната поплыла перед ее глазами.

– Валентина Петровна, – рыдала Нонна. – Ванечка пропал!

Глава 4

Станислав Грин, популярный эстрадный певец и солист мюзикла «Эдмон Дантес», отдыхал в своей гримерной. Это была большая комната с огромными зеркалами – от пола и почти до потолка, с широким, удобным диваном из мягкой белой кожи. Станислав расслабленно откинулся на спинку, прикрыл глаза и блаженно вытянул длинные ноги. В дверь робко поскреблись, и на пороге появилась сухонькая маленькая женщина с подносом в руках, накрытым белоснежной салфеткой.

– Стасик, прошу прощения. Я поесть принесла.

– Не хочу, – капризно произнес Грин.

– Ну, пожалуйста, Стасик, я прошу тебя. Ты же обещал не нарушать режим.

Длинные ресницы поднялись, как занавес, являя миру два темно-синих роскошных глаза. Их взгляд мельком скользнул по женщине и зафиксировался на подносе.

– Опять эта ерунда?

– Это не ерунда. Ты же знаешь, сколько врачей составляли твое меню. Ты всего месяц на диете, а посмотри, как прекрасно выглядишь. Лицо молодое, свежее, никаких отеков, кожа в прекрасном состоянии…

Красивые, четкого рисунка губы Стаса лениво растянулись в довольной улыбке. Комплименты своей внешности он мог слушать бесконечно. Особенно от Инны Дмитриевны. Эту незаметную женщину лет пятидесяти несколько лет назад Станиславу порекомендовали в качестве экономки. Прошло немного времени, и он вдруг заметил, что самые важные свои дела он стал решать после совета с ней. Ему нравились ее рекомендации относительно одежды. Она вовремя говорила о том, что ему пора сесть на диету, и сообщала обо всех современных методиках. Инна Дмитриевна контролировала процесс приготовления его пищи. Следила за режимом в любой ситуации: дома, во время репетиций и гастролей. Он стал повсюду брать с собой «Арину Родионовну», как шутливо называли ее коллеги. Стас сразу поверил в то, что у него нет более верного и преданного человека. Может, потому что незадолго до появлении Инны Дмитриевны умерла его мать и жизнь показалась ему гораздо суровее без ее обожания.

– Ну, что там у тебя? – Как-то естественно они перешли на «ты». Он даже разрешил уменьшительное обращение «Стасик», ведь у Инны это звучало совсем как у мамы.

– Кусочек кальмара с салатиком. Котлета из грудки индейки. Ананасовый сок и груша.

Инна Дмитриевна поставила поднос на сервировочный столик и придвинула его к дивану.

– Ешь медленно, – напомнила она.

– Интересно, как ты себе это представляешь? Разве что держать еду во рту до полного растворения.

Инна весело рассмеялась. Она была в восторге от его юмора, его снисходительно-доверчивого отношения к ней, от его мальчишеского красивого лица и сильной мужской фигуры. Инна знала его слабости и недостатки, и все они были ей дороги.

– Стасик, – сообщила она, собирая пустые тарелки, – тебе звонила Яна. Я не стала соединять, сказала, что ты отдыхаешь, потом сам перезвонишь.

– А что ей нужно? Деньги, может, не получила?

– Нет. По-моему, что-то с Петей. Он, кажется, заболел.

– Да? Слушай, Инн, позвони ей сама, расспроси поподробнее, а потом мне расскажешь. Спроси, что нужно: врачи, лекарства, деньги? А он точно болен? Она не придумывает?

– Не знаю. Но я разберусь, ты не беспокойся.

Инна неслышно вышла из комнаты. Стас вновь прикрыл глаза, но морщинка между бровями разгладилась не сразу. Яна, первая жена, всегда напоминала ему о жизни, не имеющей ничего общего с нынешней. О бедности, проблемах, взваленной им сгоряча на свои плечи ответственности. Стасу казалось, что все это происходило не с ним: крошечная квартира, замотанная жена, недовольная теща, плачущий ребенок. Петя родился слабеньким, часто болел, денег на хороших врачей, море, фрукты и все прочее не было. Но сейчас Стас платит Яне достаточно, чтобы обеспечить ребенку полноценный уход. Почему же возникают эти проблемы? – думал Стас с раздражением. Опыт отцовства был короток, и Грин не понимал, что проблемы с детьми возникают независимо от количества денег у родителей и их нельзя решить раз и навсегда.

* * *

Следователь уже полчаса допрашивал персонал дома ребенка. Няня Нонна Павловна легла спать на диванчике в изоляторе около часу ночи. Ира, ее помощница, осталась сидеть у стола с настольной лампой. Часа в четыре Нонна Павловна проснулась, чтобы сменить Иру. Дети спали, все было тихо, она сходила на кухню вскипятить себе чаю. Возвратилась, когда Ира уже спала на диване. Могла ли Нонна Павловна задремать за столом? Могла, конечно, но неглубоко, ненадолго. Она бы проснулась от плача, шума… Никто не слышал ни звука – ни Нонна Павловна, ни Ира, ни медсестра, ни ночная воспитательница в соседних комнатах. Но когда в семь утра Нонна Павловна стала обходить кроватки детей в изоляторе, вместо Ванечки под одеялом лежала большая

кукла.

Милиционеры осмотрели палату, изучили дверь, замок и пришли к выводу, что взлома не было. Дверь открыли ключом либо снаружи, либо изнутри.

Валентина Петровна сидела в своем кабинете у телефона. Она подняла на ноги всех, кого знала: следователей МУРа, прокуратуры, адвокатов, депутатов. Она судорожно прокручивала в мозгу собственные версии: ребенка похитили потенциальные усыновители, которым по каким-то причинам отказали; посредники, продающие детей бездетным парам, бандитским группировкам, которые курируют отряды нищих и снабжают их младенцами. И, наконец, самое страшное. Они уже с этим сталкивались. Год назад на прогулке пропал мальчик. Через месяц арестовали его родную бабушку. Та посещала ребенка, приносила ему подарки и, как удалось доказать, однажды унесла его с собой. Когда к ней пришли с обыском, ребенка в доме не было. Но соседи показали, что эта женщина часто приводит к себе домой разных детей, и все они вскоре исчезают. Бабушку арестовали. Она чистосердечно призналась, что за деньги отвозит детей к своей племяннице в Подмосковье.

– А зачем вашей племяннице столько детей? – спросили ее.

– Как зачем? – искренне удивилась старушка. – Конечно, на органы.

Племянница оказалась поставщиком живых детей для операций по трансплантации. Когда к ней приехала разыскная группа, в сарае рядом с домом нашли двух малышей. Внука щедрой бабушки там уже не было. Следов ребенка так и не нашли. Более того, преступная цепочка оборвалась на племяннице. То ли она покрывала кого-то, то ли действительно не знала, кому продает детей. Валентина Петровна присутствовала на допросе бабки.

– Вы же приходили к мальчику, он вам радовался, вы его целовали. Родная кровь. И потом своими руками отдали его убийце?

– Моя дочка рожает каждый год. А жить на что-то надо? Не так уж много мне платили.

– Ах ты мразь! – разгневалась Валентина Петровна. – Живи, пока кому-то не понадобятся твои черные поганые органы. И на них найдутся покупатели.

Валентина вспоминала сейчас безжалостные маленькие глазки той старухи, ее сильные, хваткие руки, и сердце разрывалось от боли. Она видела, как эти руки хватают теплого беспомощного Ванечку, как он доверчиво кладет головку на ее плечо в полусне. Он ведь не знает, какими чудовищами бывают взрослые. Что же делать, чтобы не опоздать? Чтобы заставить всех искать, как самое главное сокровище, маленького подкидыша двух лет?

* * *

Дина проснулась от ужасного крика. Где-то совсем рядом женский голос вопил: «Убийца! Подонок! Я не могу больше! Я умираю!» Дина вскочила с кровати, зажгла свет, метнулась к окну. Вопли стали отчетливей. «Так это ведь в квартире на одиннадцатом этаже, прямо подо мной», – сообразила Дина. Она распахнула окно, свесилась вниз и негромко позвала:

– Эй, вам нужна помощь? Что случилось?

Крики прекратились. Дина подождала минуту, затем еще раз позвала:

– Эй, я ваша соседка сверху, скажите, что делать? Позвонить в милицию?

Окно под ней приоткрылось, и Дина увидела женщину в белой ночной рубашке.

– Слава богу, вы живы. Мне вызвать милицию или «Скорую»?

– Нет, – ответила женщина. – Пока не надо. Но если я постучу вам по батарее, пожалуйста, позвоните в Службу спасения. Я завтра вам все объясню.

– Хорошо. – Дина пожала плечами и закрыла окно.

Если человек рядом с «убийцей» и «подонком» строит планы на завтра, видимо, все не так уж скверно. Дина посмотрела на часы – половина второго. Уснула она около часу. Теперь будет вертеться до рассвета. Нет, лучше ответить на призывный взгляд Топаза, выйти на прогулку, а потом поспать спокойно какое-то время.

Во дворе было черным-черно. Что здесь творится с фонарями? Странно, что маньяки не ходят вокруг дома табунами. Дина привычно стала изучать чужие окна. Свет горел в квартире дворничихи Гали, в окне Степана-сатаниста, Дашки-оторвы, в окне на одиннадцатом этаже. Кричать там перестали. О! На шестом горит свет. Точно! Это квартира Федоровых. А говорили, они до похорон не вернутся. Если бы они были хоть немного знакомы, Дина зашла бы к ним. Прямо сейчас, ночью. Потому что в этот волчий час воспоминания о несчастьях начинают охоту на своих жертв. Они возвращаются со всеми страшными деталями и разрывают сердца. Тогда бывает нужен именно посторонний сочувствующий человек, в качестве соломинки, чтобы просто удержаться на земле. Свет в квартире Федоровых горел еще минут тридцать. Дина не могла уйти. Ей хотелось убедиться в том, что там легли спать. Когда весь дом стал темным, Дина взяла Топика на поводок.

– Спать, мой дорогой, – прошептала она. – Спать.

В трудных ситуациях навязчивость этого желания как раз и мешает уснуть.

Утром Дина позвонила в квартиру бабы Лиды и Степана.

– Я ваша соседка с двенадцатого этажа. Сняла там квартиру.

– Да, – кивнула баба Лида. – У Ларисы снимаешь.

– Я к вам по делу. Сейчас все на работе, мне больше не у кого спросить. Понимаете, на одиннадцатом этаже, прямо подо мной, ночью кто-то ужасно кричал. Я спросила: может, «Скорую» вызвать или милицию? Женщина сказала, что не надо. А сейчас я решила позвонить им в дверь, узнать, в чем дело, но никто не открывает. Может, там случилось что-то? Не знаете? Страшно ведь, особенно после того несчастья, что в вашем доме произошло.

– Нелька это кричит. Она так всегда. Мы уже привыкли. Нелька на голову больная.

– Но она кого-то убийцей называет.

– Да мужа своего. Он уже двадцать лет у ней «убийца». С Нелькой никто не связывается. Она никакую «Скорую» не впустит.

– Ну, раз так, мы пойдем. Я с собакой. Вон он ждет на площадке, видите? Его Топаз зовут. А меня Дина.

– Вижу. Большой. Рыжий.

– Мы в магазин. Может, вам купить что-нибудь? Чай там, сахар. Или хлеб. Хлеб вам нужен?

– Нам нужен.

– Хорошо. Мы быстро.

В булочной Дина купила себе половинку «Бородинского» и пару ржаных лепешек. Бабе Лиде – батон нарезного, плетенку, пачку чая, пакет песка и торт «Наполеон».

Дверь в квартиру бабы Лиды была открыта. Дина с Топиком вошли в захламленную чем-то несуразным прихожую.

– Эй, – тихонько позвала Дина. – Мы пришли.

– Я тут, – донеслось из кухни. – Пол домываю. Ты проходи. Вот, уже подтерла.

Дина вошла в крохотную кухоньку, выкрашенную в темно-зеленый цвет. «На фоне этого интерьера в самый раз снимать фильм о Гражданской войне», – подумала она.

– А вы одна дома?

– Не. Сын Степан в комнате. Пишет. Он не выйдет. До вечера не выходит.

Дина выложила покупки на стол. Баба Лида даже порозовела от удовольствия.

– Ой, все нам? Так ты попей со мной чайку. Я поставлю сейчас. Я не пила сегодня. Кончился.

– Конечно. С удовольствием.

Дина сняла куртку, вышла в прихожую, чтоб ее повесить. Осмотрелась. Где тут дверь этого психа? Вот. Она осторожно приоткрыла ее. В невероятно грязной комнате с кипами старых книг и газет на полу и черными шторами на окне сидел за столом под тусклой настольной лампой человек неопределенного возраста. Дверь скрипнула, но он не поднял головы. Дина рассмотрела худые плечи, темные густые, вьющиеся волосы и маленькую бородку. Человек постоянно глухо покашливал. «Похоже на туберкулез», – подумала Дина. Она тихо вернулась на кухню, открыла коробку с тортом и спросила:

– Бабушка Лида, где у вас нож?

– В шкафчике посмотри. Там коробка стоит.

Дина открыла шкаф, нашла коробку из-под обуви. В ней лежали два кухонных ножа. Она потрогала лезвия. Острые, недавно наточенные, что странно в таком запущенном хозяйстве и с таким хозяином. Лезвие на одном примерно пять сантиметров. Подобным лезвием была убита Марина. Дина все держала в руках нож, когда Топик странно, утробно зарычал, глядя куда-то мимо нее. Дина оглянулась. На пороге кухни стоял невысокий худой мужчина с бородой и смотрел на нее больным, воспаленным взглядом очень темных глаз.

Глава 5

Сергей Кольцов подъехал к жилому дому на проспекте Вернадского, вошел в первый подъезд, поднялся на четвертый этаж и позвонил в одну из квартир. Дверь сразу открылась. Как будто Петр Ильич, его клиент, ждал в прихожей.

– Здравствуйте, Сергей. Вы очень вовремя: Верочка сейчас у себя на квартире. Поехала за документами… для оформления свидетельства о смерти и похорон. Олег на работе. А жена с Женечкой гуляют. Еще не меньше часа будут

отсутствовать.

– Петр Ильич, – говорил Сергей, проходя в гостиную, – надеюсь, вы не думаете, что у меня уже есть результаты? Пока я могу вам сообщить лишь то, что узнал от следователей МУРа. Но вы, наверное, в курсе.

– В общих чертах. Мне сказали, несколько версий скорее всего отпадает.

– Да. Маньяк. Наркоман. То есть преступление для этих категорий преступности не совсем характерное.

– Я понимаю.

– Теперь на очереди психи. В этом плане ничего настораживающего не было?

– Такого, чтоб непосредственно касалось девочки… пожалуй, не припомню. Самый яркий персонаж в их доме и даже в подъезде – это Степан. Не знаю его фамилии. Возможно, вы заметили дикий алтарь в подъезде, плакаты всякие. Что-то насчет Сатаны. По-моему, парень состоит на психиатрическом учете. Не знаю, является ли он членом секты или одиночка. Но Мариночка выросла на его глазах… На глазах всех, кто живет в этом доме… Ее так любили… Извините, мне очень тяжело. Но вы спрашивайте, я постараюсь отвечать.

– Этого Степана, конечно, будут проверять. Версия невинной жертвы некой секты существует. Но я хотел с вами поговорить о другом. Это тяжелый разговор. Меня интересует вся семья с близкими и дальними родственниками. Что собой представляют ваш зять и даже ваша дочь? Есть ли другие родственники, которые бывали в доме? Что вы знаете об их друзьях?

– Давайте я начну с зятя. Объективно говоря, он хороший муж и отец. Не пьет в распространенном смысле – то есть до потери соображения и контроля. Временами, конечно, может выпить. Друзей, которые постоянно бывали бы у них дома, пожалуй, нет. Иногда заходил кто-то из сослуживцев. Он сначала в авторемонтной мастерской работал. Потом перешел охранником на автостоянку. Там и платят больше, и график его устраивал: через сутки дежурство. Но, конечно, я не считаю его идеальным мужем для нашей дочери. Она всегда была открытой, искренней, эмоциональной. А он человек замкнутый, немного подозрительный. Насколько я знаю, может вспылить по ничтожному поводу.

– Он верен жене?

– Во всяком случае, никаких разговоров о его неверности в семье никогда не было.

– Дочь довольна браком?

– Я говорил, она была искренней и открытой. До замужества. С ним она тоже стала все держать в себе. Иногда мы видим: ее что-то угнетает, но спросишь, а она: «Все нормально. Голова болит». Но некоторое время назад дочь заметно переживала. Может, на работе были проблемы. Во всяком случае, мне она так и сказала. И вдруг кто-то из соседей рассказал моей жене, что Вера ходит в секту «Свидетелей Иеговы». По вечерам оставляет детей, идет на собрание, одеваться стала мрачно. Она же шьет хорошо, всегда любила наряжаться. Ну, мы с ней поговорили. Вера не стала ничего отрицать. Говорит, сама не рада, что связалась. Просто был какой-то депрессивный период, они ее уговорили. Но сейчас она перестала туда ходить.

– А к врачу Вера по поводу депрессии не обращалась?

– Мать ей посоветовала. Она ответила, что обязательно сходит. Не знаю, ходила ли.

– Кто еще бывал в доме вашей дочери?

– У нас есть еще одна дочь. Старшая. Замужем за офицером. Живут они в подмосковном Нахабине. Она иногда приезжает. Есть у нее сын – наш старший внук, Егор. Год назад он поступил в Бауманский институт. Жил какое-то время то у нас, то у Веры. По-моему, Олегу это не очень понравилось. Сейчас дочь снимает для Егора квартиру.

Входная дверь щелкнула, раздался топот детских ног, и в комнату вбежала девочка в ярко-синем комбинезоне, с русой челкой и круглыми веселыми серыми глазами.

– Это кто, деда? – с интересом уставилась она на Сергея.

– Наш гость, Женечка, – притянул к себе ребенка Петр Ильич.

– Сергей Кольцов, – серьезно протянул девочке руку Сергей. – А вы – Женя Федорова, самая красивая девочка этого двора.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Женя. – Тебе дед сказал?

– Это все знают. А сейчас мне уже нужно уходить. Я еще приду. Что тебе принести?

– «Киндер-сюрприз». И собаку.

– Насчет собаки не обещаю, но подумаю.

Сергей вышел в прихожую и встретился взглядом с очень бледной, усталой женщиной.

– Моя жена. Мария Григорьевна, – представил Петр Ильич. – Это Сережа, Машенька. Я говорил тебе. Частный детектив.

– Ох, – с тоской произнесла Мария Григорьевна. – Зачем это? Нам помочь нельзя. Ничего уже не изменишь.

* * *

Егор вынырнул из короткого глубокого, как обморок, сна. Зажег лампу и стал внимательно рассматривать лежащую рядом девушку. Бледное удлиненное лицо, строгие, даже скорбные во сне тонкие губы, прямой нос, коротко стриженные темно-русые волосы. Похожа на монашку, когда спит. А час назад рядом с ним была страстная, ненасытная гетера. Егор даже не подозревал, что может быть объектом столь яростного желания. В свои девятнадцать лет он имел скромный сексуальный опыт. Партнерши-сверстницы, как и он сам, только открывали для себя мир наслаждений.

Их больше увлекала собственная смелость, чем сама страсть. Так получалось, что Егор встречался в основном с домашними девочками, голова которых забита

советами и предостережениями родителей, мыслями о замужестве и страхом забеременеть. Егор еще не испытывал пресловутого полного слияния с женщиной, когда исчезают застенчивость, опасения показаться смешным и нелепым, неловкость за партнершу. Не испытывал до сегодняшнего дня.

Он увидел Иру на Тверской улице. Она стояла рядом с ним под холодным моросящим дождем и ела мороженое. Невысокая, очень худенькая, в тонком плаще, совсем без макияжа… Он не смог бы сразу объяснить, почему она выделялась в толпе. Или ему показалось, что она выделяется… Он сделал вид, что разглядывает какую-то афишу, а потом посмотрел ей в глаза. Ира не ответила взглядом, она просто его не замечала, но он уже повис на крючке. Небольшие темно-серые глаза, казалось, видели то, что он без нее никогда не увидит. Мир взрослых отношений и горячих тайн.

– Тебе не очень жарко? – остроумно спросил он. – Может, на пляж сгоняем?

Она посмотрела на него не моргая и абсолютно без выражения.

– Понял, – констатировал он. – Шутка не удалась. Я просто как бы беспокоюсь. Такую девчонку дождем смывает вместе с мороженым. Не хочешь где-нибудь обсохнуть?

– Где?

– Ну, в кино там… или у меня. На ресторан, к сожалению, бабок нет.

– А где у тебя?

– Я живу у станции «Бауманская».

– Один?

– Один. Устраивает?

– Мне вообще-то некуда деваться. Устала страшно. После ночного дежурства, а домой нельзя пока. Я у подруги живу. А к ней родственники приехали. Тебя как зовут?

– Егор.

– Меня Ира. Слушай, а у тебя можно поспать часа два? Ты приставать не будешь?

– Ни фига себе вопросик. Если хочешь, не буду. Я не маньяк.

Они вошли в однокомнатную квартиру Егора, которую для него снимали родители.

– Здорово, – сказала Ира. – Мне нравится. Ничего особенного, но тепло, уютно. И чисто. Сам убираешь?

– Генеральную уборку мама приезжает делать. Иногда бабушка заглядывает. Родители в Нахабине живут, а бабушка с дедом на Юго-Западе.

– Ты учишься или работаешь?

– В Бауманском на втором курсе. А ты?

– Я в медучилище. На третьем. И еще подрабатываю на полставки в доме ребенка.

– И много отстегивают?

– Видно только под микроскопом, – рассмеялась Ира. – Но на пачку пельменей и бутылку пива деньги у меня есть. Сбегаешь?

– Обижаешь. Пельмени в моей морозилке не переводятся. Мама забивает. Яйца есть. За пивом сбегаю. Может, вина купить?

– Купи. Красное. Кагор. Я сладкое люблю.

– Я тоже. Ладно. Пошел. Ты там на кухне посмотри, что где. Готовить умеешь?

– Лучше, чем ты можешь себе представить.

Они ели, пили, рассказывали друг другу смешные истории, как будто прожили вдвоем много лет. Потом Ира вошла в комнату, плюхнулась на маленький диванчик.

– Вот здесь я посплю. Слушай, а в ванне мне можно полежать? Ужасно хочется.

Ира вышла из ванной комнаты в его махровом халате, порозовевшая, с мокрыми волосами. Подошла к зеркалу, потянулась за щеткой, халат приоткрылся. Егор ничего не увидел, потому что у него потемнело в глазах. Он знал, что там, под этим халатом, все, что ему сейчас нужно. Егор обнял ее с неожиданной для самого себя силой. Ира стала вырываться. Она сопротивлялась ожесточенно, почти с ненавистью, отвергала его с отвращением, пока вдруг не зажегся в ней огонь… И с этого момента она умело и сознательно повела его за собой, к немыслимым ласкам, в сладкую муку, к ошеломляющему свершению…

Ира потянулась, затем открыла глаза.

– Привет. Сейчас день или ночь?

– Вечер. Ты не уйдешь?

– До утра – нет.

– Как здорово. Знаешь, мне еще никогда так хорошо не было.

– Знаю. Мне тоже было хорошо. Но я не люблю об этом говорить.

– Давай не говорить.

Он обнял ее, поцеловал в теплую шею, маленькую грудь. И опять в ней сначала возникло сопротивление, затем огонь…

– Хочешь, не пойдем никуда завтра? – вдруг спросила Ира.

– Не могу. У нас несчастье большое в семье. Послезавтра похороны. Надо помочь.

– Кто умер?

– Сестренка двоюродная. Маленькая совсем. Она не умерла, ее убили. Маньяк какой-то. Голову отрезал. В газете писали.

– Это твоя сестра? – Ира села, глаза ее расширились и стали почти черными. – Да ты что?!

* * *

Дина, нахмурив брови, листала замусоленную книжку, которую незаметно вытащила из-под вешалки в квартире бабы Лиды. Редкая бредятина. Сатана, Люцифер, трам-та-ра-рам, жертва. Вот. Нужно прочесть все, что в этом учебнике для психов говорится о жертвах. Чтение ее почти увлекло, она даже не сразу сообразила, что негромкое пиликанье – это звонок ее мобильника, который остался в кармане куртки.

– Я слушаю.

– Дина, это вы? Валентина Петровна вас беспокоит, главврач дома ребенка. Помните, вы у нас фильм снимали несколько лет назад?

– Конечно, Валентина Петровна. Очень рада вас слышать.

– Беда у нас, Диночка. Большая беда. Мальчика похитили. Два годика. Ванечку. Ночью, без взлома, из кроватки. Никто не поймет, как это случилось. Ну, милиция, конечно, разбирается. Но я очень боюсь, что время упустят, а с ним случится что-нибудь плохое. Я всем знакомым звоню. Может, идея какая-то возникнет. А у вас, помню, приятель был. Следователь прокуратуры…

– Сергей там уже не работает, но это неважно. Он поможет. Постарается, во всяком случае. Сейчас же ему позвоню. У него друзья остались в прокуратуре, МУРе. Валентина Петровна, я сделаю, что смогу, не переживайте.

– Я не переживаю, Диночка. Я умираю. Это очень дорогой мне ребенок…

Глава 6

Кармелло Тартина, итальянский миллиардер, владелец самой крупной на Сицилии рыбной компании, дал знак слуге наполнить второй раз глубокую тарелку спагетти с мидиями под розовым соусом. С лицом знатока отпил из бокала темно-красного старого вина. Не стесняясь присутствия супруги, расстегнул ремень на брюках. Мария ласково улыбнулась. Бедный Кармеллито! Он так страдает целый день в своем строгом костюме. Она больше всего на свете любила минуты возвращения мужа домой. Кармелло переступал порог их огромного, роскошного особняка, медленно проходил холл, отделанный полудрагоценными камнями, и, войдя в гостиную, смотрел на циферблат массивных напольных часов из цельного серебра, инкрустированных сапфирами и рубинами. На них было девять вечера. Много лет подряд он приходит домой в это время, и ни минутой позже. Затем он грузно опускает все сто сорок килограммов своего веса в гигантское мягкое кресло, обтянутое темно-синей лайкой. Ищет взглядом ее, Марию. Она идет к нему со стаканом ледяной минеральной воды с лимоном и видит, что тайное ежедневное чудо произошло. Известный магнат, жестокий делец, финансовый гений остался где-то там, за неприступными воротами их жилища. А к ней вернулся трогательный и мечтательный сын рыбака – Кармеллито, самый добрый, самый ласковый парень на Сицилии, самый преданный муж на свете. Они женаты пятнадцать лет. За это время Кармелло без всякого семейного капитала достиг неслыханных высот в мировом бизнесе. Они могли бы путешествовать по миру в личном самолете, посещать балы, приемы, презентации для избранных. Но всему этому они предпочитают тихие, спокойные вечера вдвоем, находя в них все, что им нужно для счастья.

После ужина Кармелло улыбнулся Марии и вышел на террасу. Там, в необъятном плетеном кресле, у стола с белой крахмальной скатертью, под вычурным и в то же время очень уютным старинным торшером из чистого золота, он проводил час в одиночестве. Курил свою единственную за день сигару, пил некрепкий кофе из большой чашки, щедро добавляя в него густые деревенские сливки. Вдыхал вечерний воздух, смотрел на яркие звезды, чувствовал на губах ветерок с моря, и душа его открывалась, как цветок, для любви, нежности, заботы.

Ровно в одиннадцать Кармелло уже выходил из ванной в роскошном халате. В спальне, на огромной кровати под шелковым балдахином, его ждала Мария, сияла навстречу прекрасными черными глазами и белоснежной улыбкой. Он

никогда, даже в первые дни после свадьбы, не бросался к ней со страстными поцелуями и объятиями. Он любил какое-то время просто полежать рядом, подержать ее за руку, послушать милый женский вздор, посмотреть с ней телевизор. И на этот раз Кармелло добросовестно следил за сюжетом очередной серии бесконечного сериала. Затем они посмотрели передачу с фестиваля в Сан-Ремо. Мария взяла пульт, чтобы выключить телевизор, но нечаянно нажала не ту кнопку. Они увидели снятого крупным планом изможденного крошечного негритенка. Мария испуганно посмотрела на мужа.

– Я выключу?

– Да нет. Как хочешь. Давай посмотрим.

И они посмотрели английский документальный фильм «Сироты земли». О брошенных детишках Конго, Ирака, Румынии, России.

Кармелло старался не слишком громко вздыхать и не глядеть на Марию. Он знал, что в ее глазах сейчас стоят слезы и она не хочет, чтоб он их заметил.

«Мама», – вдруг произнесла красивая темноглазая девочка, глядя в объектив, прямо на Кармелло и Марию.

– Ох! – сорвалось с губ Марии.

Голос диктора за кадром произнес: «Напрасно ждет маму девочка Арина из московского дома ребенка № 15. Родная мать отказалась от нее в роддоме, узнав о том, что у девочки букет врожденных заболеваний. А удочерить ее по российским законам практически невозможно. Из-за тех же болезней, которые, кстати, при современном уровне медицины вполне излечимы».

– Выключай, Мария, – мягко сказал Кармелло. Он погасил свет, притянул к себе упругое тело жены и поплыл по реке неги и желания.

Но потом, уже стараясь уснуть, он отчетливо увидел лицо московской девочки Арины, услышал слово «мама», произнесенное сладким детским голоском. У Кармелло и Марии в том раю, который они так любовно для себя создавали, оказалась одна печаль. Мария, статная, женственная, с высокой грудью и

широкими бедрами, оказалась бесплодной. И его миллионы в этой беде бесполезны. Ее нельзя вылечить.

* * *

Накануне похорон Марины Федоровой Дина увидела в окно, как двор быстро пересекает участковый Иван Николаевич с двумя милиционерами. Они вошли в их подъезд. Что еще случилось? Дина быстро надела ошейник на Топика, влезла в куртку, и они, не дожидаясь лифта, который уже был занят, понеслись с двенадцатого этажа. На седьмом Дина остановилась, подождала. Участковый с милиционерами, как она и предполагала, вышли на шестом. Позвонили в квартиру Веры.

Дина с Топиком спустились во двор и начали свою прогулку, пятую на дню.

Милиционеры освободились примерно через полчаса. Дина постаралась оказаться на их пути. Участковый поздоровался и остановился.

– Что-нибудь случилось, Иван Николаевич?

– Вера пропажу обнаружила. Не нашла метрику Марины и свое брачное свидетельство.

– Она считает, что они потерялись или их украли?

– Она уверена, что украли. Причем в день убийства. Вера документы держит в шкатулке, которая стоит открыто на столике у зеркала. А накануне она получила зарплату и положила на документы сверху две тысячи. Она заначку так откладывает. Все деньги прятала в шкаф, под белье, а немного – в шкатулку. В тот день, конечно, про эту заначку не вспомнила. А сейчас открыла: две тысячи на месте, все документы тоже, а двух свидетельств нет.

– Может, муж взял?

– Да нет. Они ж эти дни у родителей жили. Олег знал, что Вера пойдет сюда за документами.

– Отпечатки пальцев взяли со шкатулки?

– Взяли, протокол составили. Вот он.

Иван Николаевич полез во внутренний карман куртки и вынул листок бумаги и черную ручку.

– Ох, надо же. Верину ручку прихватил. Придется возвращаться.

– Не нужно, Иван Николаевич. Давайте я отнесу. Мне хотелось бы с ней познакомиться, а без повода я не решалась.

Вера оказалась полноватой женщиной лет тридцати пяти – тридцати восьми с простым, незапоминающимся лицом и тяжелым взглядом. «Не подходи близко», – расшифровала этот взгляд Дина.

– Здравствуйте, я ваша соседка Дина. На двенадцатом этаже снимаю квартиру у Ларисы. У меня дома ремонт, вот Иван Николаевич, участковый, меня и порекомендовал. Он знакомый моего отца. А сейчас попросил вам ручку передать. Нечаянно прихватил у вас. Можно я войду на секунду? «Молния» на брюках расстегнулась. Я с собакой во дворе гуляю. Она, то есть он, меня там ждет.

Вера молча посторонилась, давая Дине возможность пройти. Та, отвернувшись от нее, подергала вполне застегнутую «молнию». Ничего, что можно было бы использовать как предлог для разговора, на ум не шло. И потому она сказала прямо, заглянув Вере в глаза:

– Я знаю, какую страшную боль вы сейчас испытываете. Я тоже потеряла ребенка.

Вера хотела что-то сказать, но у нее вырвался лишь хриплый стон.

– Вера, – торопливо произнесла Дина, – если я смогу вам помочь… Вы просто помните: в любое время дня и ночи я готова прийти вам на помощь. Просто посидеть рядом, выслушать, помолчать, чаю вскипятить. Я живу одна. Квартиру вы знаете. Крепитесь, дорогая.

И, не ожидая от нее ответа, Дина быстро вышла на лестничную клетку.

Топик обиженно тявкнул, когда она вернулась во двор. Они сделали еще несколько кругов по периметру. Стемнело. Дина заняла удобную позицию и стала смотреть, как зажигаются окна в квартирах. Никогда не считала неприличным это занятие – заглядывать в чужие окна. Точнее, никогда в них не заглядывала, просто смотрела издали. И окна переставали быть чужими. Они приглашали в свой уют, знакомили с людьми, такими трогательными в этой оправе, такими беззащитными, лелеющими свою радость, притягивающими беду…

Глава 7

Главврач детского дома открывала дверь кабинета, когда раздался телефонный звонок.

– Валентина Петровна? Это Сергей Кольцов говорит. Друг Дины Петренко. Я насчет пропавшего мальчика. Мне только что позвонили ребята из ОВД «Беговая». Вчера дежурному сообщили, что в одной пятиэтажке все время плачет ребенок. Он решил, что это несерьезно: маленькие дети всегда плачут, – и никому сведения не передал. Вечером ему еще раз позвонили. Все то же самое. И только сегодня добавили, что там, откуда плач доносится, не может быть никакого ребенка! Это освобожденная квартира. Хозяевам дали другую, и они переехали. Мы сейчас туда собираемся войти. Не хотите с нами?

– Конечно, Сережа. Что за вопрос!

– Тогда говорите адрес, я за вами заеду.

Когда Сергей и Валентина Петровна подъехали к пятиэтажному дому, у второго подъезда уже стояла милицейская машина. «Какой этаж?» – спросила Валентина и, узнав, что четвертый, побежала по лестнице. Плач, точнее писк, она услышала уже на третьем и сразу поняла, что это не Ваня. Там скорее всего грудничок.

Деревянная дверь была закрыта на обычный английский замок. Один из милиционеров без усилий открыл ее ногой. В темной от грязи, пыли и всякого хлама квартире никого не было. Никого, кроме крошечного мальчика в одной распашонке, который ползал по полу, тоненько и совсем безнадежно плача.

Когда Валентина Петровна и мужчины застыли на мгновение, не веря собственным глазам, младенец вцепился пальчиками в жестяную банку, подтащил ко рту и стал лизать ее, как котенок. Валентина Петровна взяла ребенка, Сергей поднял с пола банку.

– Это «Отвертка». Водка! Ребята, срочно вызывайте «Скорую». Валентина Петровна, что делать?

– Пусть мальчики узнают, возможно, у кого-то в доме есть грудные дети – нужно попросить соску с кипяченой водичкой. А еще немного разведенной смеси. И хорошо бы войти к ним в квартиру, помыть его чуть-чуть, в чистую тряпку завернуть.

– Сейчас сделаем. И еще оформите, как полагается, находку. Опишите обстановку, состояние ребенка. Чтоб потом мамаша не говорила, что она просто мусор выбегала выбросить.

Вскоре нашлась соседка, которая разрешила воспользоваться своей ванной и дала чистую простыню, принесли соску с питьем. Малыш прикрыл глаза и после каждого глотка вздыхал со стоном. Даже у мужчин от этого стона разрывалось сердце.

Когда врач «Скорой» принимал пациента, Валентина Петровна сказала:

– Ему месяцев семь. – И, посмотрев на Сергея, добавила: – Это не Ванечка.

– Я понял. Тому два года. Будем дальше искать.

В дом ребенка они ехали молча, погруженные в свои мысли. Впрочем, мысли были одни и те же. Сейчас они успели. Но как случайно успели! И что ждет найденыша, который так отчаянно боролся за жизнь? И что же это за жизнь такая?

– Я буду вам звонить, – сказал Сергей, когда Валентина Петровна вышла из машины. – Не отчаивайтесь. Я позвонил практически во все отделения милиции Москвы.

– Я жду, – прошептала она и посмотрела на Кольцова умоляющими глазами.

* * *

Вера обвела затуманенным взглядом огромную толпу, но не видела ни одного лица. Море голов, рук, цветов… Чужие люди, которые уйдут с кладбища в свои спокойные дома, к живым детям. А ей теперь всегда и повсюду придется нести свой ад в душе. Она вновь склонилась над маленьким гробиком и стала жадно, впрок, любоваться бесконечно родным личиком, таким спокойным и добрым в своем роковом сне. «Ты не сердишься, не обвиняешь, не упрекаешь, – шептала Вера, словно убаюкивая дочь. – Тебе не больно, не страшно. Ты моя. Я за тебя поплачу, отмучаюсь, отстрадаю. И когда-нибудь ты за мной придешь».

Белый шифоновый шарф пышным облаком лежал под нежным, почти кукольным подбородком. Пониже груди справа темнел, поблескивая пластмассовыми глазами, большой плюшевый медведь которого дети положили в гроб Марине. Он всегда сидел в комнате для игр их класса. Вера подумала: «Хорошо, что она будет там с игрушкой», – и потеряла сознание.

Муж успел ее подхватить, оглянулся на тестя: «Позовите врача, он там стоит». Олег и сам воспринимал происходящее каким-то омертвевшим сознанием, будто под глубоким наркозом или в тяжелом сне. И, как в абсурдном, бессмысленном сне, на него вдруг уставилось чудовищно раскрашенное лицо под шапкой волос с красноватыми прядями. Он даже не сразу узнал владелицу своей автостоянки Раису Чеберяк. Та сказала ему слова соболезнования, картинно склонилась над гробом и возложила большой букет белых лилий. Затем поправила прическу, встала так, чтобы попасть в кадр снимающего фотокорреспондента, и вложила в руку только что приведенной в чувство Веры пухлый конверт.

– Смотри. – Сергей показал на нее глазами стоящей рядом Дине. – Райка Чеберяк. Владелица автостоянки, бара «Креветка», трех массажных салонов с саунами и не только с массажистками, но и массажистами.

– Колоритная мадам, – кивнула Дина.

Публикации в газетах, сообщения по телевизору привлекли на похороны Марины Федоровой массу народа. Многие по-настоящему переживали, но не обошлось и без праздных зевак. Две девчонки – долговязые подростки – просто из джинсов выскакивали, чтобы заглянуть в гроб. Сергей давно заметил их бледные лица с нечистой кожей и расширенными от возбуждения глазами. Девчонки переглядывались, подталкивали друг друга локтями, одна даже быстро опустила лицо в воротник куртки, чтобы заглушить хихиканье. Сергей молча показал на них Дине. «Я видела их во дворе. Видимо, соседки». В это время девчонки вплотную прижались к спине Веры.

– Чертовы коровы, – пробормотал сквозь зубы Сергей. – Вымахали под два метра, а ума меньше, чем у грудных.

Он осторожно приблизился к девочкам, вежливо взял их под локоток и тихо прошептал что-то на ухо.

– Ну-ка пошли отсюда лесом, – услышали подружки и тупо уставились на Сергея.

Он сделал свирепое лицо, и больше слов не понадобилось.

Девочки выбрались из толпы, молча дошли до ограды, и лишь тогда одна злобно произнесла:

– Ну, козел!

– Да ты че, Надь, переживаешь? – миролюбиво заметила вторая. – А мне как-то по фигу.

Дина внимательно разглядывала лица тех, кто стоял у гроба, кто подходил выразить соболезнования родственникам. Баба Лида вытирает слезы платком. Шура с детским любопытством оглядывается по сторонам. Рядом с ней – дочь Люда, которую, как она говорила, бьет сволочь-муж. Неужели это он, Андрей, сын дворничихи Гали? Наверняка, потому что Галька прислонилась к его плечу. К очень широкому плечу в кожаном пальто. Но он же невероятный красавец! Мужественное лицо с синими глазами в черных ресницах. Чувственный рот,

точеный нос, темные волосы, брови, а какая шея… Ничего себе «жертва пьяного зачатия», как говорят о нем соседи. Рядом с ним Джорж Клуни просто симпатяга, каких много. «Это безобразие, – подумала Дина. – Человеческие пороки не должны прятаться за столь совершенной вывеской. А парень, что стоит рядом с Петром Ильичом, дедушкой Марины? Вероятно, это Егор, ее двоюродный брат. Бледный, угрюмый, со страдальческим выражением на неглупом лице. Почему она смотрит только на мужчин? Потому что думает об убийстве и не допускает мысли, что это могла сделать женщина. Вон те, стоящие чуть в стороне, воспринимаются как одна скульптурная группа под названием «мужики». Они, конечно, с работы Олега».

Вдруг пронзительно закричала Вера. «Закрывают гроб», – поняла Дина, сжала покрепче задрожавшие губы и повернулась к Сергею. Он понял: «Пойдем отсюда».

* * *

Раиса Чеберяк полулежала, прикрыв глаза, на заднем сиденье своего темно-синего «Роллс-Ройса». Хорошо, что она поехала на эти похороны. Там было столько журналистов. Раиса достала из сумочки пудреницу гигантских размеров и, вытянув руку, попыталась получить представление, как она выглядела на расстоянии в профиль, с букетом белых лилий. Прекрасно. Как всегда. Свою внешность Раиса оценивала с позиции двойных стандартов. Она считала себя неотразимой, отлично понимая, что ни одну черту ее лица, деталь фигуры не назовешь совершенной. Ей самой в других женщинах нравились хорошенькие глазки, губки бантиком, округлые формы, стройные линии. Она же была будто высечена резцом природы из цельного камня. В детстве и юности ей случалось горько рыдать у зеркала из-за того, что казалось ей несомненным уродством. Но она подчинила себе судьбу, наполнила значительностью, уверенностью и силой грубый материал природы. И научилась искренне собой восхищаться, стараясь не оставлять никому другого выбора. У нее было много достоинств, но по-настоящему ее выделяли только два: богатство и власть.

Раиса постучала пальцем по плечу водителя, и тот через минуту передал ей маленький серебряный поднос с бутылкой дорогого коньяка и большой открытой банкой черной икры. Она налила коньяк в свою «походную» серебряную рюмку, выпила ее, смакуя каждый глоток, повторила, закусила икрой, которую ела десертной ложкой прямо из банки. Сначала потеплело в груди, потом она с

удовольствием почувствовала, будто в живот опустился кусочек солнца. И, наконец, как всегда, колыхнулось томление между литыми бедрами. Пора подумать о приятном. Раиса вспомнила темненького мальчика лет восемнадцати-девятнадцати, который пришел вчера в ее салон с двумя актерами, известными по плохим ролям в сериалах. Они попросили кабинет: «Пожалуйста, без ваших массажисток». Просто пили и хвалили друг друга. Мальчик, как поняла Раиса, учился в Щукинском училище, пробовался в какой-то сериал. Раиса умело пользовалась техническим прогрессом. У себя в кабинете она по собственному выбору прослушивала и просматривала любое помещение салона. Актеры называли мальчика Герой и советовали ему делать ставку не на кино и, уж конечно, не на театр, а на шоу-бизнес. В Америке шоу-бизнес – это и есть кино, а у нас – только эстрада. «Значит, он поет», – подумала Чеберяк. Когда они пошли в сауну, она сосредоточенно разглядывала узкий зад, тонкие мальчишеские ноги, трогательные темные завитки на нежной шее.

После ухода актеров Раиса вызвала Люсю, секретаря, и отдала ей распоряжение, как всегда, лаконично:

– Щукинское училище. Мальчик Гера. Поет. Был у нас с Дубовицким и Слеповым. Пусть завтра-послезавтра придет. Есть предложение.

Сейчас в машине Чеберяк набрала телефон Люси, та торопливо произнесла:

– Он ждет, Раиса Мефодьевна.

Раиса не сдержала улыбки. Подкрасила губы ярко-красной помадой и подушилась капелькой «Ж’озэ». Современные запахи, типа лимон, уксус и сено, подходят только плоским бесцветным дистрофичкам. «Роллс-Ройс» остановился у салона.

* * *

Нина с Дашей простояли несколько часов на кладбище молча, с сухими глазами. Так же молча доехали домой на автобусе. У магазина на углу Нина достала кошелек и сосредоточенно изучила его содержимое.

– Я думаю, надо бутылку вина купить. Холодно, и вообще. Помянуть Мариночку.

Даша кивнула.

Они и дома долго не могли заговорить. Пили сухое дешевое вино, Дашка пару раз откусила бутерброд с колбасой. Нина никогда не видела свою младшую дочь такой печальной.

– Ничего, – притянула она к себе светлую пушистую голову. – Говорят, когда дети умирают, они становятся ангелами. Кто знает…

– Это Шурка полоумная тебе сообщила? Мам, ну скажи. Как можно Мариночку… Я понять не могу. Как это? Она была, и больше ее не будет?..

Даша вдруг заревела громко, по-детски, широко открыв рот. Нина, всхлипнув, прижала ее к себе.

– Не плачь, девочка моя золотая. Я не могу это видеть… Мне так всех жалко. Верочку… Не знаю, как она теперь жить будет. А у меня счастье. Такие дочки… Завтра «Вог» появится в киосках с Наташиными фотографиями. Я специально деньги отложила.

– Подумаешь, – надулась Даша. – Нам уже жить негде из-за ее фотографий. Лучше бы она нам денег подбросила.

– Не надо обижаться на сестру, – ответила Нина. – Она только устраивается. У нее знаешь какие сейчас расходы! Как сможет, начнет помогать. Она девочка добрая. И потом, мы что – калеки, чтоб нас содержать? Мы молодые, здоровые. И, главное, вместе. А она одна, в чужой стране. – И Нина всхлипнула уже по другому поводу.

Глава 8

Джон Фортмен, лорд и наследник одного из самых крупных состояний Великобритании, приехал в Париж на Неделю высокой моды ради новой звезды модельного бизнеса – двадцатилетней русской красавицы Натальи Борисовой.

Ее взлет был стремительным. Впервые она появилась на предыдущей Неделе, в Нью-Йорке, в одном дефиле и сразу произвела фурор. Хрупкая, миниатюрная для модели – 170 сантиметров, – со светло-русыми прямыми волосами, широко расставленными серыми глазами и чувственным, крупным ртом, девушка поразила всех женственностью, грацией и каким-то диковатым очарованием. В один день у ее ног оказались все журналисты, ее менеджеры получили восхищенные отзывы домов «Кристиан Диор», Джона Гальяно, Жан-Поля Готье, Шанель, «Ямамото». А на вечеринке в мюзик-холле напилась с горя несравненная бразильская модель Гизела Бундхен, которой сказали, что у нее появилась еще более несравненная соперница. Причем гораздо моложе ее. Наташа стояла во время банкета в одиночестве со стаканом минеральной воды в руке и смотрела на всех спокойным, ничего не выражающим взглядом. Менеджер шепнул, что с ней хочет познакомиться известный аристократ, представитель знатного рода. Наташа внимательно посмотрела на очень красивого мужчину лет сорока и протянула ему руку. Разговора у них не получилось: английского русская модель почти не знала, по-французски только училась говорить. Она посидела немного за столом рядом с Джоном, затем прикрыла ладонью зевок и сказала, что ей пора спать.

С тех пор Джон Фортмен ездил во все города мира, где в показах мод участвовала Наталья Борисова. Он был поражен скромностью и непритязательностью девушки, на которую свалился настоящий большой успех. Наташа уже говорила, правда, с чудовищным акцентом, по-английски, он осваивал русский. Она с удивлением обнаружила, что самоуверенный, пресыщенный красавец способен понять ее нелюбовь к многолюдным сборищам, потребность в искреннем общении, основанном на доверии. И здесь, в Париже, после утомительного, наполненного восторгом публики дня – Наташа участвовала во всех дефиле – они с Джоном не пошли на традиционную вечеринку. Они поехали в его холостяцкую квартиру. И вряд ли кто-нибудь поверил бы, что в тот вечер они впервые легли в его постель. Он испытывал необычные для себя чувства. Ему хотелось не столько овладеть ею, сколько согреть нежное хрупкое тело девушки, растопить настороженность в ее глазах. Он ласкал ее бережно, вкрадчиво, давая возможность понять самой, чего она хочет. И когда она прерывисто вздохнула от наслаждения и крепко сжала его плечи своими тонкими пальчиками, он помог ей до конца исчерпать горячую радость свершения. Она удивила его. Когда он откинулся на подушки, Наташа встала рядом на колени и долго ласкала его лицо и тело легкими, нежными прикосновениями. Затем благодарно посмотрела в глаза.

– Какая ласковая девочка, – только и сказал Джон Фортмен.

* * *

Дина с Сергеем посидели молча на ее кухне, согреваясь после кладбища. Затем она поставила чайник на плиту.

– Омлет хочешь?

– Если тебе не лень.

– Ты же знаешь, я люблю готовить… Особенно когда хочу есть. Я сделаю с сыром и помидорами. Любишь?

– Спрашиваешь.

Ужинали втроем. Топик ел из своей миски «Педигри», с удовольствием дополняя рацион кусочками омлета с сыром. Потом Дина мыла посуду, а Сергей курил, испытывая что-то похожее на блаженство. Они сейчас очень похожи на семью. Он знал, что будет когда-нибудь с тоской вспоминать этот вечер в дурацкой съемной квартире. Когда-нибудь… Да сегодня же. В своем полупустом логове, приобретенном не так давно после развода с женой. Он знал, что нужно сделать, чтобы логово превратилось в комфортабельное жилье. Деньги были, время можно найти. Просто со стимулом плоховато.

– Сережа, – прервала его размышления Дина, – а что ты думаешь по поводу кражи свидетельств из квартиры Федоровых?

– То есть они однозначно исчезли?

– Конечно. Вера – дотошная женщина. Я у нее спрашивала. Она весьма методично провела поиски в квартире, вспомнила все обстоятельства и уверена, что документы были в шкатулке накануне убийства. А после убийства, когда оперативные действия были проведены, она уходила из квартиры последней. Несмотря на шок, она все детали хорошо запомнила.

– Ну что ж. Не будем преувеличивать значение этой пропажи, чтобы не пойти по ложному направлению. Но все-таки надо навести справки о возможных

любовниках-любовницах Веры и Олега, прежних связях, недругах семьи. Других браков, во всяком случае оформленных, у них не было.

– Меня преследует некая несозревшая мысль. Или ощущение, не знаю. Это связано с тем, что Вера и Олег очень любили Марину. То есть они обеих девочек любили, но младшая чаще бывает у дедушки с бабушкой. Да и маленькая она совсем. А Мариночка – школьница. Наряжали ее, как куклу. Говорят, и Вера, и Олег, парень, в общем, довольно нелюдимый, старались встретить ее из школы, целовали, Олег брал ее на руки, сажал на плечи. Что-то в этой ситуации мне видится опасное. Здесь живет много детей из неблагополучных семей. Родители пьют, бьют ребят… Если бы Вера немного открылась, рассказала о своих тревогах, подозрениях…

– Петр Ильич мне рассказывал, что у Веры была депрессия примерно год назад, вроде бы беспричинная. Но ее занесло в секту «Свидетели Иеговы». Потом она бросила это дело.

– А члены этой секты не могут мстить таким образом?

– Шизофреники везде есть. А что с этим психом? Сатанистом?

– С его матерью мы почти подруги. С ним нормальный контакт практически невозможен, но его легкого мычания я иногда удостаиваюсь. Ножи в квартире имеются. Острые, с лезвием около пяти сантиметров. Но у кого их нет! Я спрашивала у бабы Лиды, не пропадал ли у нее один нож. Говорю, милиция у всех спрашивает. Она ответила, что терялся, но не помнит когда. Может, говорит, Степан взял. Он на кладбища ездит. Какую-то хренотень там устанавливает. Ритуал у него. Хочешь, я позвоню, когда он в следующий раз туда пойдет?

– Позвони, конечно… Да, пропавшего малыша, Ваню из дома ребенка, пока не нашли. Нашли другого, которого никто не искал. Лежал один в брошенной квартире пару дней, лизал банку с «Отверткой». Семь месяцев ему, представляешь?

– Ох, нет. И что оказалось?

– Родился этот бедолага не у той бабы, вот что оказалось. Милиция проверила всех женщин района, кто родил семь месяцев назад. У одной – Людмилы Соколовой – ребенка в наличии не оказалось. То ли идиотка, то ли прикидывается таковой. Но по всем злачным местам она известна. Таскалась туда вместе с младенцем. Отсутствие его сейчас так объясняет: говорит, ездила к родственникам в деревню на похороны, а мальчика оставила подруге. Родители у нее есть, она с ними живет, но они редко трезвеют. Вернулась, подруги нет. Где ребенок – не знает. Поискать его ей в голову не пришло. Когда милиция ее вычислила, сказала, что о той пустой квартире, где ребенка нашли, ей ничего не известно. Адрес ей ни о чем не говорит.

– А где подруга живет, сообщила?

– Да. Квартира заперта.

– Ну и что с ребенком? Неужели отдадут этой мамашке?

– Не могут не отдать. Только если найдут что-то очень криминальное на мать. Но в больнице его обещали подержать подольше, сколько можно.

– Сережа, нужно искать подругу. А вдруг мы так на Ванечку выйдем?

– Разумеется. Ну, я пойду. Проводите меня?

Дина с Топиком довели Сергея до машины. Когда он уехал, Дина по привычке провела ревизию освещенных окон. У Федоровых были люди – поминки не закончились. Баба Лида стояла у окна своей кухни. Дина сразу поняла: это значит, в доме нет хлеба и сахара. Только это обстоятельство могло прервать перманентный процесс чаепития бабы Лиды. Дина привела Топика домой, взяла из шкафчика пачку песку, несколько ржаных лепешек, оставшуюся от ужина половину плетенки. Достала из холодильника кусок сливочного масла. Сложила все в пакет и спустилась к бабе Лиде. Звонок не работал, но дверь сама открылась. У них замок сломался, и все, что мог сделать Степан, – это вытащить его из двери. Баба Лида просияла, увидев Дину с продуктами. Быстро стала наливать воду в чайник. В это время входная дверь с шумом распахнулась. Кто-то ворвался в прихожую и промчался к комнате Степана. Баба Лида выронила чайник. Дина бросилась на шум и остановилась на пороге, оцепенев. Олег Федоров с белым лицом, сумасшедшими глазами занес над Степаном кухонный

нож.

– Стой! Прекрати! – хрипло крикнула Дина.

Олег оглянулся, и в тот же миг она встала между ним и Степаном.

– Пошла отсюда! – заорал Олег. – И тебя убью!

– За дверью милиция, – быстро сказала Дина. – Ребята, заходите. Тут убийство!

Олег опустил нож и оглянулся. Дина изо всех сил вцепилась ему в руку.

– Ты что? – произнес он уже более осознанно. – Что ты несешь? Совсем охренела? Какая милиция?

– Иди-ка сюда. – Дина потянула его за рукав. – Я тебе что-то покажу.

Он дал вытащить себя в прихожую. Дина захлопнула дверь комнаты и прошипела, глядя в его безумные глаза:

– У твоей жены ребенка на части разрезали. Ей теперь муж-убийца нужен? Что ты делаешь, пьяная скотина! Как ты мог по-свински нажраться в день похорон!

– Да кто ты такая? Какое твое дело? Я эту падаль все равно прикончу. «Ребенка на куски разрезали». – Голос Олега сорвался. – Кто?! Все знают, что, кроме этого ублюдка, некому.

– И ты уверен, что некому? – Дина решила не упускать инициативы в нелепой перебранке. – Что Степан вошел к тебе в дом и Марина ему открыла? Среди белого дня, с ножом? Не на улице, не в темном подъезде, а так, чтоб его по следам в два счета нашли? Он украл у вас брачное свидетельство и метрику ребенка? Зачем? Может, подумаешь, прежде чем убивать? А главное, сообрази, кто мог на самом деле в твой дом войти, как в свой?

Дина почти механически задала последний вопрос, и вдруг ей показалось, что Олег изменился в лице.

– Иди, чтобы тебя здесь никто не видел, – быстро сказала она. – А насчет милиции я не придумала. Сюда едут. Раз у кого-то есть подозрение, его проверят. У меня брат двоюродный – следователь, занимается этим делом. Я ваша новая соседка. Будем считать, что познакомились.

* * *

Станислав Грин выходил на поклон шесть раз. Он умел в такие минуты видеть все как бы со стороны. Огромный, бушующий, восторженный зал, все глаза устремлены на сцену. А на сцене – он. Очень высокий, стройный, с лицом сказочного принца. Станислав видел будто из партера синее сияние своих прекрасных глаз, улыбку красиво изогнутых губ, изящные руки, которые хотелось целовать всем женщинам, сидящим в этом зале… Иногда он был не прочь стать на мгновение простым зрителем, чтоб испытать хмельное, бесконтрольное обожание кумира. Такого совершенного кумира, как он. Позже в гримерной, когда уже давала о себе знать усталость, Станислав вспоминал миг своего блаженного раздвоения с некоторым удивлением. «Так и свихнуться недолго», – говорил он своему отражению. Станислав читал, что по-настоящему красивых людей на земле одновременно может быть не больше десяти процентов. Талантливых, конечно, больше. Но сочетание двух этих достоинств – редчайшее исключение из правил. Стас томно и с достоинством нес обременительную участь исключения. И немного сочувствовал всем, кто не был Станиславом Грином.

Мало кто знал о том, что так было не всегда. Были времена, когда жизнь казалась ему цепью страданий и унижений. Именно потому, что он красивее и талантливее многих, Стас как тяжкую несправедливость переносил бедность родителей, их жалкую уверенность в том, что всем всего должно доставаться поровну и в порядке общей очереди. Бездари, дебилы и уроды шли по жизни напролом, одевались «от кутюр» и пропивали за вечер в дорогих кабаках карманные деньги, какие в их семье за десять лет не удалось бы скопить. Но родители и не пытались копить: они считали это неинтеллигентным занятием. Стасик до сих пор, слыша слово «интеллигентно», ощущает сквозняк в области зада. Три сезона из четырех ветер задувал ему под слишком короткую куртку и тонкие брюки. Убивало его больше всего то, что никто не понимал трагизма положения человека, который настолько красивее и одареннее многих, а вынужден прозябать подобно посредственности. Жестоким одноклассникам и сокурсникам общество Стаса ценностью не казалось. Они предпочитали общества тупых и наглых отпрысков криминальных элементов.

Станислав поморщился: ему не нравилось вспоминать прошлое. Он постарался забыть даже свою фамилию, щедро подаренную отцом ему при рождении: Чушь! Можете себе представить? Грином Стас стал с легкой руки первого продюсера. После первого было еще два, пока не появился главный продюсер всей его жизни – супруга. На двенадцать лет старше, не обремененная излишней красотой и чувствительностью, она приобрела в лице мужа инструмент для реализации собственных амбиций и необузданных желаний (которые, впрочем, исчерпывались профессиональной и финансовой сферами. Интимная жизнь у супругов не сложилась). Впрочем, быть женой звезды Станислава Грина оказалось совсем не утомительно. Все его заскоки были связаны с работой. В обычной жизни Стасик вполне милый человек, неконфликтный, добрый и по-своему великодушный. «По-своему» – переводится так: он не испытывал физической боли при виде кадров умирающих от голода людей, убитых в Чечне солдат, раненых детей и женщин. Но когда Инна Дмитриевна говорила: нужно взять опекунство над детским домом – переводить иногда туда деньги, посылать подарки, продукты, – он радостно соглашался. И, узнав о том, что какие-то детишки получили от его имени яблоки и игрушки, испытывал умиление.

Домой Стас приехал около часу ночи. В гостиной его ждали две записки. В одной жена Виктория сообщала, что она на презентации нового журнала. В другой Инна Дмитриевна, которая жила этажом ниже в двухкомнатной квартире, приобретенной для нее Стасом, писала, что опять звонила его бывшая жена Яна. Состояние сына серьезно. По-видимому, у него что-то с почками. Врач советовал отдать его в больницу, но она решила подождать. У ребенка высокая температура, он жалуется на боли во всем теле. Яна думает, может, грипп такой. Просит приехать утром.

Стас сначала нахмурился: что за дела? Он же не врач. Но потом вспомнил круглые карие глаза Петьки, курносый нос, который он смешно морщит, когда смеется, и почувствовал жалость. Ему больно, такому маленькому, прелестному. Это несправедливо! Дети не должны болеть. Но как хорошо, что ехать нужно только утром, что Вика на презентации, а у него есть время отдохнуть, насладиться тишиной и комфортом его прекрасной комнаты и побыть наедине с самым любимым человеком – с собой.

На огромной сверкающей кухне стоял большой поднос, накрытый салфеткой. На нем маленькая записка: «00 часов 30 минут. Мороженое в морозильнике». Инна Дмитриевна. Иннуля. Как хорошо, что она никому не доверяет заботу о нем. Ни

жене, ни кухарке. Стас приподнял салфетку. О! У него сегодня день блаженной передышки между диетами. В глубокой тарелке его любимый салат с креветками, кальмарами и ананасами. Кусок белого хлеба, чуть подрумяненного, намазан сливочным маслом и толстым слоем черной икры. В термосе – чай с лимоном. В высоком стакане – сок манго с кусочком еще не растаявшего льда. На блюдечке – слоеный яблочный пирог. В центре подноса открытая бутылка «Шардоне» и бокал. Стас поднялся на второй этаж, разделся у себя в спальне. Большая ванная была облицована розовым мрамором, обвешана зеркалами, светильниками, обставлена золоченой мебелью. Он блаженно вытянулся в огромном черном джакузи, прикрыл глаза и представил себе, как теплые душистые струи смывают с его тела усталость и чужие взгляды. Он вышел из ванной, обнаженный, любуясь своим отражением в многочисленных зеркалах, и, не набрасывая халата, вновь спустился на кухню. Достал из морозилки вазочку с любимым шоколадным мороженым со свежей клубникой, поставил на поднос и понес все это к себе.

Было уже начало третьего, когда Стас закончил пиршество. На лестнице послышался стук каблучков Виктории. Стас выключил свет, подождал, пока она пройдет мимо его комнаты, и зажег вновь. Бутылку вина он оставил на столике у дивана, выпил один бокал. И, может, выпьет несколько глотков утром, перед тем как покинуть свое убежище. Какое-то усилие всегда требуется. Поднос с грязной посудой Стас поставил за дверью своей комнаты на пол. Почистил зубы, смазал лицо и руки дорогим кремом, скользнул под легкое атласное одеяло, на шелковую простыню, с наслаждением почувствовав прикосновение тонкой ткани к коже. Уже в темноте, перед тем как заснуть сладким здоровым сном, Стас выстроил в памяти все приятные минуты прошедшего дня. Удовлетворенность от особенно удачных моментов концерта, комплименты знакомых, горящие восторгом глаза поклонниц… Длинные ресницы опустились на щеки, как два веера, и вдруг острая боль пронзила поясницу, что-то сжалось в низу живота. От неожиданности и страха у Стаса перехватило дыхание. Он еле нашел в себе силы зажечь бра над кроватью, потянулся к телефону, но боль отпустила так же внезапно, как появилась. Он понял: это была Петькина боль. В записке что-то сказано о почках. Стас нервно встал и залпом выпил еще бокал вина. Он забыл о страданиях сына, и подсознание ему напомнило. Родная кровь. Стас долго лежал с открытыми глазами и совсем не думал о том, что на лбу у него появились две глубокие морщины. Он впервые по-настоящему страдал из-за другого существа. И вдруг понял, что это существо – тоже он. Родная кровь – страшная вещь.

Глава 9

Дина позвонила Сергею поздно вечером, рассказала, что произошло в квартире Степана.

– Надо вмешаться, – сказал Сергей. – А то как бы этот дурак и вправду его не порешил.

– Естественная реакция несчастного отца, который даже не знает, кому отомстить за гибель ребенка. Ему кто-то во время поминок подсказал, что, кроме Степана, некому было Марину убить.

– Ну что ж. Надо проверить этого сатаниста. Сейчас позвоню. Утром, видимо, его поедут брать. Я с ними появлюсь. До завтра.

Утром Дина увидела из окна, как подъехала милицейская машина, вышло из нее человек пять. Среди них она узнала Сергея. Дина надела на Топика ошейник и спустилась во двор. Сначала бригада обыскивала квартиру Степана. Дина поднялась на площадку второго этажа. Там стояла перепуганная баба Лида.

– Дина! – бросилась она ей навстречу. – Степка ж не убивал?

– Не думаю, баба Лида. Но проверить все равно надо. Раз кто-то сказал, не нужно, чтоб подозрение повисло… И Олег… Как бы беды не случилось. Ты не бойся. Мой брат тоже приехал. Он проследит, чтобы все было честно. Со Степаном будут нормально обращаться.

– А Галька говорит, у них срок подошел. Им убийцу теперь вынь да положь. А то премию не дадут.

– Дура Галька. Ничего подобного. Им нужен настоящий убийца и не для премии.

В открытую дверь квартиры было видно, как из шкафов, с полок милиционеры вытаскивают вещи, книги, просматривают их, сваливают в кучу на полу. Кто-то позвал из ванной:

– Сергей, зайди сюда! Глянь! Берем на экспертизу.

Кольцов появился в прихожей, взял из-под вешалки черную сумку Степана, с которой тот ходил на свои кладбищенские прогулки, вытряхнул содержимое: бумажки, плакаты, палки, проволока, нож… Сергей молча протянул его следователю.

– Ну что ж. Пошли, – повернулся тот к стоящему неподвижно Степану.

Тот дико взглянул на мать и протянул руки милиционеру. Щелкнули наручники, и баба Лида тихонько заскулила.

– Что там нашли в ванной? – спросила Дина у Сергея, когда он проходил мимо.

– Рубашку с кровью. В грязном белье лежала.

Когда Степана увезли, Дина повела бабу Лиду к себе.

– Потом уберешь. Я тебе глинтвейн приготовлю. Это вино горячее с лимоном, корицей. Сахару побольше положу, как ты любишь. Увидишь, тебе сразу легче станет. Можешь поспать у меня.

Когда баба Лида засопела на диванчике на кухне, Дина посмотрела в окно. Шел мелкий снежок, Галька скребла лопатой дорожку. Из подъезда вышел Олег Федоров. Хмуро огляделся, поднял воротник и побрел куда-то, ссутулившись и шаркая ногами, как старик. «Бедняга», – вздохнула Дина.

* * *

Олег брел по улице без определенной цели. Просто сил не было оставаться в квартире, ставшей такой мрачной и страшной, знать, что в другой комнате сидит почерневшая от горя Вера с опухшим лицом, окруженная своим неприступным молчанием. Олег дошел до метро, спустился по ступеням, нащупал в кармане карточку для телефона-автомата. Набрал номер. «Абонент недоступен». Ну конечно. Этот абонент доступен, лишь когда сам того хочет.

Олег вышел из метро, купил в ближайшем магазине бутылку водки и пил прямо посреди улицы до тех пор, пока хватало дыхания. Неуютный, тошный день вздрогнул и закружился вокруг. Олег потряс головой и остановил картинку. Ноги ослабли в коленях. Но дышать стало легче, страшная тяжесть свалилась с плеч, освободила грудь. Олег повернул к дому. Ему казалось, что он идет легко и прямо. Но дорожка все время выскальзывала из-под ног. У самого дома Олег услышал визг тормозов и обнаружил себя почему-то на проезжей части. Какой-то человек орал на него и требовал вызвать милицию.

– Извините его, – вдруг раздался рядом знакомый голос. – У него несчастье. Ребенка вчера похоронил.

Злобные лица отодвинулись, кто-то взял Олега за руку и отвел на тротуар.

– Дядя Олег, я вас провожу. Держитесь за меня.

Олег смотрел на Егора и никак не мог сообразить, почему тот здесь оказался.

– Я к вам шел. Проведать хотел. Пошли, дядя Олег.

Рядом с Егором стояла худенькая девушка с бледным лицом и темно-серыми глазами.

– Это моя знакомая. Ира. Она не будет заходить, подождет меня во дворе.

– Да уж. Сделай одолжение, оставь ее во дворе, – непослушным языком выговорил Олег. – А хочет, пусть идет с нами. Какая разница…

– Нет. Я погуляю, – холодно произнесла девушка, не сводя с него пристального взгляда.

Егор повел Олега к подъезду. В дверях они столкнулись с очень красивой женщиной, которая отстегивала поводок от ошейника рыжей собаки. Она внимательно посмотрела на них.

– О! – дурашливо воскликнул Олег. – Это наш почетный караул. Придурков охраняет от нетрезвых граждан. Пальчиком шевельнет, и менты прилетят.

– Охраняю, – улыбнулась Дина. – Почему нет? А вам рекомендую дневной сон. До обеда и желательно после.

Она дружески кивнула Егору и направилась к лестнице:

– Поезжайте на лифте. Мы любим пешком.

* * *

Раиса Чеберяк откинулась на спинку заднего сиденья «Роллс-Ройса», опустив длинные, искусно приклеенные ресницы. Ей было удобно из-под них наблюдать за юношей, сидящим рядом. Гера с любопытством разглядывал блестящие кнопки, ручки, массу непонятных приспособлений в навороченном салоне автомобиля. Раиса заметила, что рукава его дешевой куртки коротковаты, а ногти обкусаны, как у невоспитанного ребенка.

– Твои родители в Москве?

– Нет. Я из Питера.

– Где живешь?

– Мы снимаем комнату на троих. У одной бабули. То есть у противной старушенции.

«Интересно, – озадачилась Раиса. – Какое слово он выбирает, думая обо мне? Старушенция или все-таки женщина?»

Машина остановилась у коттеджа на Рублевском шоссе. Массивные ворота разъехались, шофер высадил их у крыльца. Раиса открыла несколько замков на двери – дубовой снаружи, металлической изнутри.

Повесила на вешалку у входа свою просторную шубу из чернобурки и его тонкую курточку. В гостиной Гера уютно устроился в одном из кресел и показал на камин:

– Нельзя зажечь? Я люблю огонь.

От пламени, к которому он приблизился почти вплотную, его лицо стало румяным, глаза и губы очень яркими.

– Ты красивый парень, – сказала Раиса. – Что ж ты бедный такой?

– Мой папа не торгует нефтью, – пожал плечами Гера. – Он преподает в музыкальной школе. А я учусь. Откуда богатству взяться?

– Но я слышала, ты поешь. Этим можно сейчас неплохо заработать.

– В ночных клубах, что ли, петь? Или у вас в сауне?

– Ты мне не дерзи. Я тебя обижать не собираюсь. Наоборот, хочу помощь предложить. Ты выпить хочешь? Виски, коньяк, сок?

– А пиво можно?

– Что угодно. Ты, наверное, поесть не прочь?

И, не дожидаясь ответа, Раиса отправилась на кухню. Когда она вернулась с подносом, на котором стояли бутылка коньяка, несколько банок пива, два стакана и куча сандвичей с ветчиной, сыром и зеленью, Гера, сняв кроссовки, лежал с ногами в огромном кресле, свернувшись, как котенок.

– Эй, чудо-юдо! Ты не спишь?

– Нет, – открыл затуманенные глаза мальчик. – Я блаженствую.

Он пил пиво, она хлопнула полный стакан коньяка и налила второй. Гора сандвичей очень быстро исчезла, и Раиса принесла блюдо с фруктами и коробку конфет.

– Я вот о чем хотела с тобой поговорить. Ты, наверное, слышал, сейчас отбирают участников фестиваля в Юрмале. Хочешь, я буду твоим спонсором? И не только:

я знаю, что и как нужно делать. Куда и чем постучаться.

– Вы серьезно? Ой, я даже не думал об этом.

– Подумай. У тебя до сих пор просто не было оснований об этом даже мечтать.

– Я подумал, мадам. – Гера опустился перед Раисой на одно колено. – Буду счастлив оправдать ваши ожидания, прекрасная маркиза. – Он почтительно поцеловал ей руку и уставился в лицо насмешливыми, дерзкими глазами.

– Вставай, рыцарь печального образа, – поддержала игру Раиса. – А ты мне спеть не хочешь? Вон пианино стоит.

Гера пожал плечами и неохотно протянул:

– Но я так, один куплет для представления, да?

– Слушай, с ленью надо бороться. Пой всю песню от начала и до конца. Я тебе не пирожное предлагаю, а строительство твоей карьеры.

– Да я ничего. Просто пиво и все такое…

Гера сел за инструмент, сделал несколько аккордов, и его сонное, недовольное лицо вдруг стало ясным, внимательным, сосредоточенным. Мальчик запел, и Раиса удивленно уставилась на него. Ничего себе! Это же настоящий артист с чудесным голосом. Она полагала, что Гера просто умеет блеять под музыку, как все те ребята и девушки, что возникают на эстраде по чьей-нибудь прихоти. Раиса облокотилась на пианино и, не моргая, разглядывала молодое, притягательное лицо. Она казалась себе курицей, нашедшей бриллиант среди разного сора. Ему не бандерша нужна с тугим кошельком. Не только она. Ему бы настоящего учителя, мастера, который знает, как шлифуют алмазы. Ну ничего. Найдем и мастера. Дарование Геры, открывшееся Раисе, скорректировало ее планы. Парень оказался особенным, а такие требуют соответствующего к себе отношения. Когда Гера закончил петь, Раиса ласково потрепала его по голове.

– Молодец. Я даже не рассчитывала на то, что ты так прекрасно поешь.

– А на что вы рассчитывали?

– На человеческий такт и благодарность. Люблю, видишь ли, помогать молодым. Но, знаешь, мои люди и мне помогают.

– Это как?

– По обстоятельствам. А пока иди. У меня дела.

Проводив Геру до дверей, Раиса сунула в карман его куртки несколько стодолларовых купюр.

– Питайся получше. Может, куртку приличную купишь. Нет, не надо ничего покупать. Просто ешь. За одеждой вместе поедем. Я тебе позвоню.

Возвратившись в гостиную, Раиса выпила еще коньяка, устало развалилась в кресле, протянув к огню отекшие за день ноги. Потом потянулась за мобильником, набрала номер, услышала: «Абонент недоступен», набрала другой, ей ответил молодой женский голос.

– Опять в подполье? – не здороваясь, спросила Раиса. – Не доведут тебя до добра эти твои прятки с мужиками. Я по делу. Завтра с утра в офисе. Заказ есть.

* * *

Сергей вошел в комнату, где уже второй час допрашивали Степана.

– Что с кровью? – шепотом спросил он у следователя. – Экспертиза готова?

– Да, – шепнул следователь. – Его кровь. На ноже тоже ничего. – И продолжил громко: – Ну, что, Степан Головля, вспомнил, где порезался?

– Не где порезался, – назидательно произнес Степан, – а почему порезался. Потому что кровь моя жертвенная потребовалась Носителю истины.

– Вот так целый час, – вздохнул следователь. – Кончай придуриваться, Головля. Вы признаете, что убили Марину Федорову?

– Я признаю, что невинная жертва угодна моему кумиру, освещающему темноту и ведущему человечество к свету. Но я не убивал Марину Федорову.

– Вмазать ему, что ли? – задумчиво произнес сержант, сидевший за соседним столом. – Уши вянут от этого бреда. Дайте мне разок ему по балде долбануть. Может, перестанет выделываться.

– Не перестанет, – сочувственно вздохнул Сергей. – На учете он. На глухом учете в психдиспансере. Так что оформляйте его на освидетельствование в родной дурильник. Пока его кто-нибудь не отправил к Носителю истины прямым ходом.

Глава 10

Утром во дворе к Дине подплыла полная томная дама в вишневом кожаном пальто с капюшоном.

– Меня зовут Неля. Я ваша соседка снизу. Помните, вы предлагали мне помощь, когда я рыдала ночью? Спасибо. Дай бог вам здоровья.

– Ну что вы. Я же не помогла… Меня Дина зовут. У вас что-то случилось? Если не секрет, конечно.

– Случилось? Вы еще не знаете, что у меня случилось? – Неля горько рассмеялась. – Случилось то, что мой муж убийца, пьяница и подонок. А я вся больная из-за него. Он хочет моей смерти, чтоб ему квартира досталась.

– Что вы говорите? И он открыто этого хочет?

– Вы можете спросить у всех малолетних проституток района, насколько открыто он этого хочет.

– Малолетних?

– Именно малолетних! Он «Виагру» жрет килограммами.

– Но это же вредно. Сколько ему лет?

– Этот козел на двенадцать лет старше меня. А мне пятьдесят. Я отдала ему молодость. Любила его, как безумная. Эту грязную тварь. – Из подкрашенных глаз Нели аккуратно поползли по щеке две слезы.

– Муж вас физически обижает?

– Он истязает меня, издевается. И приговаривает: «Все равно тебя убью».

– Он вас бьет?

– Пытается. Откровенно избивать, конечно, боится. Он и пьет так, что, кроме меня, этого никто не видит. Приходит домой с бутылкой коньяка, приносит всякую вкусную еду. Ест, пьет и орет, чтоб я не вздумала у него что-то стянуть. Он же выгнал меня из холодильника!

– В смысле – не разрешает им пользоваться?

– В смысле – может отравить. Вы его не знаете. Эта падаль на все способна… – Неля перешла на громкий шепот. – Я никому не говорила, но он мог убить ребенка. Этого ребенка. В тот день он пришел домой часов в десять утра. Он охранником в банке работает. Пил и рычал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mihaylova_evgeniya/ispoved-na-krayu

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить